

ТАЙНЫЙ АРХИВ XX ВЕКА

БИТВА ЗА КАВКАЗ

НЕИЗВЕСТНАЯ
ВОЙНА НА МОРЕ
И НА СУШЕ

ОЛЕГ ГРЕЙГЪ

ЭРИХ ФОН МАНШТЕЙН

**Эрих фон Манштейн
Олег Грейгъ
Битва за Кавказ. Неизвестная
война на море и на суше
Серия «Тайный архив XX века»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17662466

*Олег Грейгъ, Эрих фон Манштейн. Битва за Кавказ. Неизвестная война на море и на суше:
Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0181-0*

Аннотация

Кавказский регион всегда был особой точкой притяжения для многих политиков, как со времен существования Российской империи, так и в годы становления и расцвета советской власти. Кавказский регион стал плацдармом для самых кровопролитных боев в годы Второй мировой. И все – во имя тайных планов, которые лелеяли советский лидер и нацистский вождь. В кровавые события XX века был втянут и Черноморский флот, причем морякам и морским офицерам довелось воевать и на море, и на суше.

Как нацисты собирались «освободить русский народ от большевистского режима с помощью мусульманских народов Кавказа и Средней Азии»? Какую секретную роль – волей Сталина и Мехлиса – доверено было сыграть Черноморскому флоту совместно с чекистским фронтом, действовавшим в тылу штрафных батальонов фронтов Юго-Западного направления?

Впервые на многие вопросы ответит один из выдающихся полководцев XX века – генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, с которым автору, д-ру военных наук О. Грейгу лично довелось неоднократно встречаться в последние годы жизни немецкого полководца. В книгу также включены воспоминания Эриха фон Манштейна, дающего свой анализ событий и объясняющего смысл происходившего в Крыму и на Кавказе в 40-е годы XX века.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	55
Глава 10	60
Глава 11	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Олег Грейгъ, Эрих фон Манштейн

Битва за Кавказ. Неизвестная война на море и на суше

*...Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил:
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?...*

Державин. «Флот», 1795 г.

© Грейгъ О., Манштейн Э. фон, 2012

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

Часть первая Кузнецов. Познание

Глава 1

По окончании войны 1941–1945 гг. Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР И. В. Сталиным был издан приказ 22 июля 1945 года в честь Дня Военного Флота, где есть такие слова: *«В период обороны и наступления Красной Армии наш флот надежно прикрывал фланги Красной Армии, упоравшиеся в море, наносил серьезные удары по торговому флоту и судоходству противника и обеспечил бесперебойное действие своих коммуникаций. Боевая деятельность советских моряков отличалась беззаветной стойкостью и мужеством, высокой боевой активностью и высоким мастерством. Моряки подводных лодок, надводных кораблей, морские летчики, артиллеристы и пехотинцы восприняли и развили все ценное из вековых традиций русского флота.*

На Балтийском, Черном и Баренцевом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной». И этими словами подчеркивается высокая оценка действий всех моряков советского Военно-морского флота (ВМФ).

В выписке приказа говорится, что флот *надежно прикрывал фланги* нашей армии, *наносил серьезные удары* по врагу и вообще отличался высоким мастерством. Но так ли это? Мы рассмотрим это на примере не всего советского ВМФ, а в части, касающейся сил Черноморского флота (ЧФ). Кстати, любопытно, что при столь высокой оценке действий в минувшей войне всего ВМФ, только два командующих флота из четырех были удостоены Золотых Звезд Героев Советского Союза, а именно – командующий Черноморским флотом адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский (Иванов) и командующий Тихоокеанским флотом адмирал Иван Степанович Юмашев (флот которого показал высокие результаты в боях против Японии в Дальневосточной кампании осенью 1945 года под главным командованием кавалера двух орденов «Победа», дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского). Другие же командующие флотов, и в частности, Северного, адмирал Арсений Григорьевич Головкин, который силами вверенного флота действительно обеспечивал охрану коммуникаций по доставке конвоями союзников вооружений, боеприпасов, боевой техники и стратегического сырья, – подобной награды не получил. Как и командующий Балтийским флотом адмирал Владимир Федорович Трибуц.

Следует добавить, что единственный из членов Военного совета времен Второй мировой войны, удостоенный звания Героя Советского Союза, также служил на Черноморском флоте, – это вице-адмирал Николай Михайлович Кулаков. Также стоит вспомнить армейского военачальника, получившего звезду Героя, генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова (впоследствии генерала армии), командовавшего во время обороны Севастополя в 1941–1942 годах Отдельной Приморской армией. А также дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Павла Ивановича Батова (впоследствии генерала армии), командовавшего в дни обороны Севастополя 9-м Особым стрелковым корпусом.

Описывая и анализируя события тех затянувшихся трагических месяцев 1941–1942 годов в Крыму и Севастополе, следует обратить пристальное внимание не только на командование и Военный совет ЧФ, но и на армейских военачальников, руководивших действиями советских войск на Крымском полуострове.

И, значит, коснемся деятельности трех командующих объединениями (армиями), державших оборону на Керченском полуострове. Среди героев книги будут командующий Крымским фронтом, заместитель наркома ВМФ, вице-адмирал Гордей Иванович Левченко; представитель Ставки Верховного Главнокомандующего, армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис; главнокомандующий войсками Южного направления (направления в целом, а не фронта!) Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный; его заместитель по морской части, первый заместитель наркома ВМФ – начальник Главного морского штаба адмирал Иван Степанович Исаков (впоследствии Адмирал Флота Советского Союза).

На протяжении всего авторского исследования действий ЧФ в начальном периоде войны, несомненно, будет вестись разговор о героизме моряков ЧФ и подразделений Красной армии, действовавших в этом регионе. Но наряду с этим будет проанализирована и имевшее место трусость советских матросов и солдат, командиров и политработников обоих видов Вооруженных сил. Что, несомненно, в какой-то (скажем прямо: в значительной) мере предопределило характер и направленность действий сил флота. Прежде следует указать, что главное командование ВМФ (наркомат ВМФ СССР) во главе с талантливым флотоводцем адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым (впоследствии Адмирал Флота Советского Союза) отчетливо осознавало, что основную деятельность по осуществлению разгрома планов противника придется вести армейским силам, тогда как флот должен будет выполнять второстепенную, вспомогательную роль.

Для того чтобы понять многие нюансы интересующей нас темы, придется показать отношения наркома ВМФ и командующего ЧФ в то сложное для обоих этих людей время. Именно так, – умышленно не подчеркивая привычное *«сложное время для страны»*, а оставляя *«сложное время для обоих людей»*. Что связано со многими психологическими и социологическими факторами, под влиянием которых оказались два главных героя, имевших самое непосредственное отношение к сражениям у Черноморской твердыни. При этом наркому пришлось в чрезвычайно сложных условиях управлять не только одним Черноморским флотом, но тремя совершенно разными флотами, находившимися в противоположных географических широтах.

Военные историки послевоенной поры считают, что наиболее эффективной формой поддержки сухопутных войск была высадка морских оперативных и тактических десантов, которых за годы войны было осуществлено в общей сложности 123. Во всех десантах участвовала более четверти миллиона человек, что в среднем составляет около 30 стрелковых дивизий. Высадку же этих соединений обеспечивали более 3000 боевых кораблей и вспомогательных судов, почти 10 000 самолетов. Немалую роль в условиях войны играли морские перевозки. Важно это было на Севере после того как противник умелым маневром перерезал Октябрьскую железную дорогу, ее мурманское направление. Важным было на Балтике во время обороны Ханко, Моонзундских островов и советского Ленинграда, на Черном море в период обороны Одессы, Севастополя и Кавказского побережья. За тот период силами ВМФ было перевезено около 120 млн. тонн грузов и примерно 10 млн. человек.

Существенный вклад в обеспечение деятельности приморских флангов внесли морская авиация и артиллерия. Летчики за период войны совершили около 75 000 самолето-вылетов, уничтожили 1,5 тысячи танков, 110 танков на Балтийском и Северном флотах, свыше 100 танкеток (часть из них – на ЧФ и в Крыму, которые советские адмиралы и генералы и военные историки называли в своих работах «танками»!) и множество другой боевой техники и вооружений на всех флотах. Морскую артиллерию можно уверенно отнести к огневому щиту военно-морских баз за счет ее дальноточности, высокой скорострельности

и разрушительной силы снарядов, уничтожающих узлы связи, штабы, командные пункты и силы противника.

По завершении войны 78 кораблей, частей и соединений стали гвардейскими, 238 – удостоены орденов, многие удостоены почетных наименований, свыше 500 моряков получили звания Героев Советского Союза. Первым дважды Героем Советского Союза в годы войны стал командир истребительного авиаполка Северного флота подполковник Борис Феоктистович Сафонов. Дважды удостоены этого высокого звания разведчик В. Н. Леонов, катерник А. О. Шабалин, летчики В. И. Раков, А. Е. Мазуренко, Н. Г. Степанян, Н. В. Челноков.

Военные историки считают, что именно война выдвинула в число талантливых военачальников таких адмиралов, как Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, А. Г. Головкин, Л. А. Владимирский, Ф. С. Октябрьский, В. Ф. Трибуц, И. С. Юмашев; это из категории руководства ВМФ и командующих флотами.

К 22 июня 1941 г. в составе советских ВМФ числилось более 500 надводных кораблей и боевых катеров, 218 подводных лодок, более 2,5 тысяч самолетов и свыше 2000 орудий береговой и зенитной артиллерии. Все эти силы были дислоцированы по четырем изолированным друг от друга театрам военных действий (ТВД). При этом – система базирования и судоремонта неразвита, возможности по осуществлению межтеатрового маневра ограничены.

Если с 1927 года в СССР шло восстановление и окончание строительства кораблей, заложенных еще до 1917 года, то в 1937-м в основном строили подлодки и малотоннажные боевые корабли. Начиная с 1938 года началось строительство морского и океанского флота. Что вписывалось в государственную программу подготовки к агрессивной войне против вероятного противника. Но действия политических сил Германии и осуществленная агрессия против СССР сорвали реализацию планов по строительству большого флота.

К началу немецкой агрессии в постройке находилось 219 боевых кораблей, из которых: 3 – линейных, 3 – тяжелых крейсера, 9 – крейсеров, 47 – лидеров и эскадренных миноносцев и 91 подлодка.

Организационно советский флот состоял из Северного, Балтийского, Черноморского, Тихоокеанского флотов и Амурской, Каспийской и Пинской военных флотилий. ВМФ СССР был подчинен непосредственно народному комиссару ВМФ адмиралу Н. Г. Кузнецову, а в оперативном отношении – народному комиссару обороны страны Маршалу Советского Союза Семену Константиновичу Тимошенко.

После агрессии германского вермахта был сформирован Главный Военный Совет ВМФ под председательством адмирала Н. Г. Кузнецова. Благодаря таланту этого военноморского начальника на флотах была внедрена разработанная им и сразу же блестяще отработана система оперативных готовностей, которая позволяла в очень сжатые сроки перевести силы флота с мирной учебы в полную боевую готовность; причем сделать все в соответствии с жесткими требованиями уставов и требованиями самого наркома ВМФ не только нанести агрессивный стратегический удар по всему ТВД ВМФ СССР, но и встретить нападение противника, – что, несомненно, является уникальным шагом Николая Герасимовича; ибо ни один советский военачальник не додумался готовить вверенные ему особые военные округа, армии, корпуса и дивизии к обороне. Так как в соответствии со стратегическим планом «Гроза» Красная армия, как и ВМФ, должна была нанести фронтальный удар от Балтики до Черного моря по Европе. Благодаря Николаю Герасимовичу Кузнецову, ВМФ имел четкие взгляды на формы и способы применения сил флота в перспективе любой войны, будь она наступательной или оборонительной. *«Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможность войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал неизбежной... И. В. Сталин вел подготовку к войне – подготовку широкую и*

разностороннюю, исходя из намеченных им самим... сроков». Эти слова есть в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне».

К началу войны подобные взгляды были конкретизированы и закреплены в руководящие оперативно-тактические документы «Боевой устав Морских сил РККА» 1937 г. и «Временном наставлении по ведению морских операций» 1940 г. Именно благодаря этим документам, и особенно последнему, Н. Г. Кузнецовым была осуществлена подготовка флотов к войне за несколько часов! В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. посты СНИС (службы наблюдения и связи) Балтийского флота на острове Найсаар без промедления доложили на КП командующего флотом о появлении пяти кораблей, шедших без положенных для мирного времени ходовых огней. А воздушная разведка Балтфлота обнаружила неизвестные суда у входа в Финский залив, о чем также немедленно было доложено в Главный штаб ВМФ.

Очевидно, следует остановиться на пояснении документов, которые регламентируют ту или иную готовность флотов к действиям. Николай Герасимович считал чрезвычайно важным, чтобы командующие флотами и соответствующие командиры соединений и кораблей четко представляли, *что* следует понимать под «готовностью № 3», «готовностью № 2», «готовностью № 1».

«Готовность № 3» – обычная готовность кораблей и частей, находящихся в строю, т. е. в первой линии. Тогда как первая линия – это корабли, готовые участвовать в морских баталиях, а не те, что находятся в доке, у причала или в ремонте на заводе. В случае «готовности № 3» экипажи кораблей занимаются повседневной боевой подготовкой, живут обычной жизнью, но сохраняют запасы топлива, держат в исправности и в надежной готовности оружие и механизмы корабля.

«Готовность № 2» – намного выше предыдущей. Ибо корабли пополняют все необходимые запасы, еще и еще раз приводят в порядок материальную часть, устанавливают особое дежурство по корабельному расписанию, увольнения на берег всего личного состава сводятся до крайнего минимума, причем это касается и матроса и командира. Личный состав остается на местах. В таком состоянии корабли могут пребывать длительное время, хотя от личного состава при этом потребуются определенное напряжение нравственных и физических сил.

И наконец, самая высшая «готовность № 1», которая объявляется когда абсолютно ясно, что обстановка является крайне опасной и поворот к мирному времени практически исключен. Все оружие и механизмы боевого корабля должны быть способны немедленно вступить в действие, а весь личный состав обязан находиться на боевых постах и выполнять приказы командира корабля в соответствии с уставом: точно, беспрекословно и в жестком лимите времени. Получив условный сигнал, каждый боевой корабль и каждая часть сил флота действует по имеющимся у них инструкциям, которыми предусматриваются вскрытие особых пакетов правительства, где указаны время и выход к месту боевых действий.

Н. Г. Кузнецов провел немало времени на каждом из флотов, осуществляя проверки и учения. Эти проверки вскрыли массу недоработок в подготовке сил и средств четырех флотов к наступательным сражениям. К оборонительным мероприятиям ВМФ не готовился. Год понадобился наркомку, чтобы флоты научились быстро и точно переходить на повышенную готовность, на «готовность № 1». Пришлось провести огромную работу в штабах, на кораблях и в частях. Борьба шла не только за часы, за минуты, но и за секунды – с момента подачи сигнала до получения доклада командования о готовности флота.

Как-то возвращаясь с одного из заседаний у Сталина, Кузнецов поймал себя на мысли, что не лучше ли отказаться от запланированных совместно с войсками Одесского особого военного округа учений ЧФ на Черном море.

Николай Герасимович, знавший так много, все же знал далеко *не все*; однако он понимал, что прошедший май 1941 года и наступивший июнь для руководства страны были чрезвычайно сложным временем в плане международных отношений с рядом государств Европы, с США, и в особенности, с союзником – Германией. В сознание Николая Герасимовича неоднократно закрадывалась крамольная мысль, что это союзничество рано или поздно до добра не доведет. Мучая и истязая себя сомнениями, адмирал, находясь по делам у начальника Генштаба Красной армии Маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова, спросил:

– Скажите, Борис Михайлович, каково в планах Генштаба участие флотов на случай планируемых стратегических операций нашей Красной армии в возможном недалеком будущем?

Шапошников, слушая его, тактично прикрыл чистыми листами бумаги некоторые лежавшие у себя на столе документы и негромко с хрипотцой в голосе ответил:

– Не спешите, голубчик. Вы в свое время получите все необходимые распоряжения. А сейчас я более вас не задерживаю, у меня много работы.

Так и не получив удовлетворительного ответа, адмирал, возвратившись в свой кабинет, вновь допустил мысль, что ВМФ страны будет играть далеко не ту роль, которую он, как руководитель флота, представлял себе изучая историю Русского флота с времен Петра Великого. Это острое чувство несправедливой непричастности Николай Герасимович особенно остро почувствовал не тогда, когда вступил в должность наркома ВМФ, а в те крайне напряженные майские и июньские дни 1941 года.

Его не терзало чувство страха или уныния, даже незнание развития предполагаемых дальнейших событий не застало адмирала врасплох, ведь он пытался просчитать их сам, конечно, насколько это возможно. Его беспокойство на данном этапе сводилось к главному: достаточно ли сделано для того, чтобы все четыре объединения ВМФ были максимально готовы к тому, чтобы мгновенно отреагировать на то, о чем расплывчато и многозначительно сказал маршал Шапошников «... *все в свое время*»?

Впрочем, адмирал не сомневался, что в скором времени силы флотов должны будут выйти в океан. Это при условии, если будут достроены, завершены ходовые и государственные испытания и введены в боевой строй первой линии линкоры, тяжелые крейсера, крейсера, лидеры, эсминцы и подлодки. На все это нужно будет еще как минимум от 6 месяцев до 1,5 лет. Но даже те силы флота, которые имеются в наличии на июнь 1941 года, способны лишь частично участвовать в грандиозных замыслах Сталина и его первых военных руководителей. А то, что замыслы существуют, понятно без слов. Это Кузнецов понимает и весьма сожалеет, что ему не удалось убедить вождя, что в такой огромной стране, как СССР, необходимо строительство мощнейшего в мире флота, состоящего из авианосцев, линкоров и тяжелых крейсеров. Сталин тогда хмуро посмотрел на Кузнецова и, бесшумно двигаясь по ковровой дорожке, подошел вплотную, отчего Николай Герасимович невольно встал из-за стола и теперь неловко смотрел с высоты своего роста вниз на Генсека.

– Вы что, товарищ Кузнецов, собираетесь воевать с Америкой?

Кузнецов отреагировал мгновенно:

– Товарищ Сталин, наша страна без сильного флота...

Но вождь не дал договорить:

– Мы сделаем такой флот, который нам будет нужен в нужное время.

И вот теперь...

Теперь Николай Герасимович полагал, что учения на Черноморском флоте совместно с войсками Одесского особого ВО следует отменить; он поручил начальнику Главного морского штаба адмиралу И. С. Исакову позвонить в Генштаб и выяснить мнение по этому вопросу. Но Иван Степанович отвечал, что ничего ему не сообщили конкретного, что

дало бы основания изменить план по части учений. В связи с этим нарком и адмирал Исаков приняли решение дать флоту указания держать оружие и корабли в полной готовности. Руководить учениями в Севастополь выехал Исаков.

Два адмирала договорились, что если обстановка примет чрезвычайный характер, то Исаков уже на месте даст указания командующему ЧФ использовать оружие и корабли флота. После отъезда Ивана Степановича Кузнецову позвонил нарком внутренних дел, Генеральный комиссар Госбезопасности Лаврентий Павлович Берия и жестким тоном спросил:

– Почему вы, товарищ Кузнецов, так безответственно относитесь к нашим партийным кадрам? Почему вы в помощь товарищу Исакову не послали группу работников Главного управления политической пропаганды? Вы что думаете, что без контроля партии вы будете творить все, что вам вздумается?

Зная, что происходит в его окружении, и подавляя в себе всякое эмоциональное желание высказаться, Николай Герасимович спокойно и твердо ответил:

– Товарищ Берия, я принял решение отправить на Черноморский флот группу работников Главного управления политпропаганды во главе с бригадным комиссаром Азаровым. Полагаю, эта кандидатура вас вполне удовлетворит.

– Хорошо, – миролюбиво ответил голос в трубке, – думаю, товарищ Сталин будет доволен вашим решением.

После чего все стихло, а затем раздался длинный зуммер. Николай Герасимович положил трубку на рычаг.

Политработники Красной армии и флота структурно являлись номенклатурными работниками ЦК ВКП(б) и функционировали в качестве отдела ЦК партии в РККА и РККФ. А их руководитель – начальник Главного управления политической пропаганды, член ЦК ВКП(б), армейский комиссар 1-го ранга Запорожец действовал на правах секретаря ЦК ВКП(б). Возглавлял карательные органы страны Л. П. Берия, но к тому времени с согласия Сталина карательные органы были *над* флотом, *над* армией и *над* рядом структурных подразделений ЦК ВКП(б). Сам Лаврентий Павлович в связи с главной задачей «*выявления врагов народа*» стал, пожалуй, самым близким советником по этим проблемам у вождя партии и государства товарища Сталина. А его политработники наряду с сотрудниками органов внутренних дел в армии и на флоте стали надежной опорой в выявлении тех самых «*врагов*».

Кузнецов знал, что Илья Ильич Азаров получил инструкцию у наркома внутренних дел. Так вот, инструкция та заключалась в том, чтобы проводить работу с политработниками, научая их, что в случае начала войны каждый политработник должен применить личное оружие, если командир флота, получив приказ о вступлении в боевые действия по каким-либо мотивам откажется его исполнять. Безусловно, для Николая Герасимовича сей приказ в отношении «непокорных» командиров не составлял особого секрета... Правда, спустя годы адмирал Азаров говорил, что получил он инструкцию иного рода: рассказывать политработникам, что «*на случай нападения Германии приводится в готовность оружие...*»; между тем положение у Азарова тогда и впрямь было сложное. Дело в том, что *приводить оружие в готовность* как бы следовало... после объявленного в прессе и по радио сообщения ТАСС от 14 июня 1941 г., категорически отвергавшее слухи о возможности войны, объявлявшее любые слухи провокационными.

В день объявления заявления Советского правительства Николай Герасимович находился у Сталина. Доложив разведданные по флотам, нарком кратко доложил и об учениях на ЧФ, и о том, что поставки с немецкой стороны в части, касающейся флота, а именно в строительстве крейсера «Лютцов» продолжают. (Но в своей книге «Накануне» в угоду определенным силам в стране он, мягко говоря, покривил душой, написав, что немцы тогда фактически прекратили поставки для крейсера «Лютцов»). И хотя адмиралу хотелось доло-

жить, что немецкие транспорты покидают наши порты и не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии, он промолчал, ожидая реакции вождя. Сталин не задавал никаких вопросов по готовности флотов, отчего нарком счел свое дальнейшее присутствие излишним и с разрешения хозяина покинул кабинет.

Возвращаясь в автомобиле, Николай Герасимович вновь поймал себя на мысли, что хотя это и не произнесено, однако Сталин не исключает возможности войны с Германией. Причем считает эту войну вероятной и неизбежной. И договор 1939 года Сталин рассматривает лишь как отсрочку.

Но сколько дней дано ему, наркому, для этой отсрочки?

Глава 2

Чтобы прояснить положение наркома ВМФ в майские – июньские дни 1941 г., следует вернуться на несколько лет назад, скажем, год эдак в 1927-й. Итак, Сталин твердо занял место на большевистской пирамиде власти и начинает укреплять свою диктатуру, все более заботясь проблемами коммунистического движения и расширения своего влияния в мире. Именно в том году Сталин делает вывод о неизбежности Второй мировой войны. К этому его подталкивали заокеанские друзья, которые привели к власти его предшественника Ленина посредством денег и организацией Первой мировой войны. Сталин уже просчитал весь расклад, он, в отличие от оболваненных советских людей, прекрасно знал, что большевистская власть не взялась в этой великой стране из ниоткуда, не приплыла в руки картавого коротышки, вспрыгнувшего на броневик... Тут были задействованы заокеанские финансовые воротилы, истративших на кровавый переворот не только огромные потоки денег (куш был значительно жирнее!), но и долгие-долгие годы борьбы «исподтишка».

Но и Сталин не лыком шит; он, вступив в игру сверхолигархов, собирается выиграть, а для этого надо перестроить всю партию под свои правила игры...

1927 год – начало индустриализации СССР.

В начале первой пятилетки в сталинской армии было около 100 устаревших моделей танков, а в конце ее – более 4000 новых! Но приоритет не столько отдавался количеству вооружения, сколь созданию индустриальной базы, которая будет быстрыми темпами выпускать качественное вооружение.

Этим занималась уже вторая пятилетка. Тогда были созданы коксовые батареи, мартеновские печи, электростанции, построены кислородные заводы, прокатные станы и блюминги, увеличено количество шахт и рудников. Но производство средств войны – еще не главная задача Сталина, хотя за две пятилетки осуществлен существенный скачок в оснащении авиации и армии новыми видами вооружений.

Запланированная третья пятилетка должна была выпускать вооружение, боевую технику и боеприпасы в огромнейших количествах и высокого качества. А завершиться она должна в 1942 году; но кто полагает, что это так, тот... ошибается. Потому что у Сталина пятилетка могла быть выполнена с контрольными цифрами и за 3 года! Но коль написано для всех, что завершится в 1942-м, то и этот означенный и озвученный срок подразумевает свою конкретную цель.

Между тем Сталин предусматривает и планирует с помощью одного из своих самых одаренных ученых, – военного теоретика Б. М. Шапошникова стратегическую наступательную операцию под кодовым названием «Гроза».

Уникальный мозг Шапошникова на время словно бы стал второй частью мозга Сталина. Борис Михайлович научным военным языком изложил то, что Сталин запланировал. Не надо забывать и того факта, что Шапошников – участник планирования мобилизационного плана Русской армии в канун Первой мировой войны; он знал все изыяны того плана и учел их, имея ввиду и новые обстоятельства, возникшие за десятилетия после октябрьского переворота. *И согласно плану «Гроза» днем вторжения советских армий в Европу должно стать 6 июля 1941 года.*

А пятилетка в соответствии с планируемыми целями продолжает работать в военном русле и планомерно выполняет свои задачи по обеспечению армий вторжения Первого и Второго стратегических эшелонов вооружением, боеприпасами и всем остальным, необходимым для ведения агрессивной войны. Одновременно, в соответствии с тем же пла-

ном индустриализации страны, последние два года советский народ, совершая трудовые подвиги, работает и на Третий стратегический эшелон.

Параллельно с индустриализацией в СССР шла и коллективизация, т. е. установление коммунистического крепостничества на селе. Цена этих двух *плановых мероприятий* с целью агрессии и покорения Европы обошлась народам СССР почти в 15 миллионов человеческих жизней! Но для вождя СССР то были не жертвы, а так, издержки производства.

Но не мог об этом не то что знать, а и догадываться занятый своими флотскими делами Николай Герасимович Кузнецов. То в качестве главного военно-морского советника он занимается войной в Испании, то вершит дела на посту командующего Тихоокеанским флотом, то исполняет обязанности первого заместителя наркома ВМФ, а фактически – осуществляет руководство флотом и, наконец, его назначают на должность наркома флота.

Многое делалось Кузнецовым для того, чтобы соответствовать установкам, спускаемым маршалом Шапошниковым наркому флота по подготовке сил и средств к будущей войне. При этом нужно было укрепить не только флоты, но и флотилии – Дунайскую, Днепровскую, Пинскую, которые должны были действовать в перспективе по всему периметру наступления Красной армии. Так что сверхинтенсивного напряжения Николая Герасимовича хватало лишь на управление флотом, а не на переосмысление всех составляющих того, что происходит.

Между прочим, ни в эпоху СССР, ни в послевоенные годы в печатных источниках не говорилось о действиях *Пинской военной флотилии*. Впрочем, это лишь маленькая толика в сокрытии всей правды.

Как только Красная армия заняла территорию Западной Белоруссии, от Пинска к Кобрину НКВД нагнали «строителей», а это – десятки тысяч заключенных да плюс еще прибыли саперные части 4-й армии; так был прорыт Днепровско-Бугский канал длиной аж в 127 км! Строительством руководил полковник А. Прошляков (в годы войны – командующий саперной армией, а после нее – начальник инженерных войск Советской армии, маршал инженерных войск). Понятное дело, канал построили в сверхсжатые сроки ценой огромного количества человеческих жизней. И соединил он две реки – Днепр и Буг. Цель грандиозного проекта заключалась в том, чтобы существовавшую Днепровскую военную флотилию можно было перебросить из Днепра в Припять, оттуда через канал в Муховец, оттуда – в Буг, а из Буга – в Вислу. И это не ради торговли, а только ради военных задач.

Если пройти этим маршрутом, то можно заметить, что в районе Бреста Буг делает разворот к Варшаве, а оборона в этих местах командованием Красной армией не готовилась. Оттого Брестская крепость считалась своеобразной перевалкой в планируемых боевых наступлениях, и имела всего комендантскую роту и две роты обеспечения проходящих маршевых частей через Брест.

Назначение канала становится предельно ясным: пропустить корабли в бассейн Вислы и далее на запад. В случае иного поворота, т. е. в случае агрессии против СССР, канал следовало уничтожить, дабы не пустить корабли возможного противника из бассейна Вислы в бассейн Днепра.

Об этом уникальном сооружении на одной из послевоенных научных конференций вкратце рассказал бывший командующий Днепровской военной флотилией вице-адмирал В. Григорьев. После конференции он писал в «Военно-историческом журнале»: «*По Припяти сможете перейти на Западный Буг, Нарев и Вислу к Варшаве, а далее перейти на реки Германии. Кто знает, быть может, и до самого Берлина!*» (№ 7 за 1984 г., стр. 68). Вице-адмирал Григорьев со своей флотилией до Берлина дошел, об этом свидетельствует неоднократно опубликованный снимок тех лет, на котором на бронекатерах на реке Шпре в Берлине развевается советский военно-морской флаг.

Еще одним из важных вопросов, который курировали Николай Герасимович Кузнецов и его Главный морской штаб (ГМШ), было создание морской пехоты. Месяцем основания ее стал июнь 1940 г.; и тогда как у флотов еще не было морской пехоты, Днепровская военная флотилия и Пинская военная флотилия, расположенные в лесах Белоруссии, получили по... роте морской пехоты.

Воистину любопытный факт: на четырех флотах ее нет, а в пинских глухих болотах и на Днепре – есть! И все это связано с комплексом мероприятий, которые в деликатной и весьма любезной форме рекомендовал наркому ВМФ обаятельный и обстоятельный Борис Михайлович Шапошников, впрочем, не объясняя конкретной цели создания этих маневренных подразделений; *«всему свое время, голубчик...»*.

Советская морская пехота была сформирована в составе Балтийского флота уже в канун самой агрессии Германии. И получила боевое крещение 22 июня 1941 года при защите военно-морской базы (ВМБ) Либава (Лиепая). Почему именно здесь и именно в первый день агрессии? Да потому что считанные километры разделяли морпехов от солдат вермахта.

В нашем повествовании нельзя обойти вниманием и еще один объект, о котором не писали ни в эпоху СССР, ни в послевоенные годы. Между прочим, объект тот – один из сильнейших корпусов Красной армии! А существовало-то их, таких сверхмощных всего два: 34-й стрелковый корпус, командовать которым весной 1941 г. был назначен генерал-лейтенант Р. Хмельницкий да 9-й Особый стрелковый корпус. А всего в Красной армии на то время было 29 механизированных корпусов по 3 дивизии в каждом, 62 стрелковых корпуса по 3 дивизии (иногда – 4), 4 кавалерийских корпуса по 2 дивизии, 5 воздушно-десантных корпусов, не имевших звена дивизии, 5 авиационных корпусов в составе ВВС по 3 дивизии и 2 корпуса ПВО. В мощном 34-м стрелковом корпусе было 5 дивизий.

Но нас интересует 9-й Особый стрелковый корпус, который был переброшен из Закавказского военного округа в Крым в начале июня 1941 г.; командовал им генерал-лейтенант П. И. Батов.

Следует заметить, что почти всеми советскими корпусами в конце 30-х – в начале 40-х годов командовали, как правило, генерал-майоры, тогда как армиями командовали генерал-лейтенанты, за редким исключением – генерал-полковники. А такой вид Вооруженных сил, как ВВС, возглавлял тоже генерал-лейтенант авиации П. Рычагов. Правда, ВВС военных округов тоже командовали генерал-лейтенанты авиации; в основном то были Герои Советского Союза, участники войны в Испании.

Сталин мог и старшего лейтенанта, рядового летчика произвести в полковники, и тут же – в генерал-лейтенанты, назначив командовать авиацией целого округа. Примером тому Герой Советского Союза, командующий ВВС Белорусского Особого военного округа И. И. Кобец. Но в отношении флотских руководителей авиации Сталин был не так благожелателен. И они в большинстве имели воинские звания генерал-майор авиации.

Но вернемся к 9-му корпусу; это высшее соединение было уникальным по своему составу, вооружению и направленности боевой подготовки. Во время учений 18–19 июня 1941 года, которые так волновали Кузнецова, Черноморский флот развернул свои силы совместно с одной из дивизий 9-го Особого стрелкового корпуса, который был введен в состав Одесского особого военного округа. Дивизия корпуса была посажена на боевые корабли ЧФ и затем осуществила десант на побережье «противника». Уникальность операции проявилась не в том, что с кораблей высаживается десант, а что высаживается полнокровная дивизия, чего никогда в Красной армии еще не делалось. И флотом, между прочим, не обеспечивалось.

Этим учениям Сталин уделял особое внимание, и проходили они под личным контролем ответственных работников Генштаба Красной армии, при этом со стороны наркомата

ВМФ участвовал первый заместитель наркома – начальник ГМШ адмирал И. С. Исаков. А по поручению наркома внутренних дел от ЦК партии действия флота и частей дивизии корпуса координировал дивизионный комиссар И. И. Азаров.

При условии начала войны согласно плану маршала Шапошникова этот корпус должен воевать не на советской территории. Уникальный 9-й Особый стрелковый корпус, подготовленный в горах Кавказа и имевший отборных солдат и командиров, проверенных политработников, – в соответствии с планом «Гроза» – должны высадить с боевых кораблей ЧФ на побережье Румынии и Болгарии; цель операции – перерезать транспортировку нефти в Европу. Захватив нефтяные терминалы и месторождения, можно будет контролировать поставку нефти на Черном море в Советский Союз. К столь серьезной операции должны были привлечь эскадру ЧФ, а высадку обеспечить все вспомогательные силы флота.

Но где бы это самое крупное высшее соединение Красной армии впоследствии ни высадили, предусматривалось главное направление его боевых действий – порт Плоешти в Румынии. Все время в преддверие этих героическо-пиршественных событий силами политотдела корпуса, а также сотрудников органов Госбезопасности в соединении проводилась интенсивная работа по поднятию боевого духа личного состава, распространялись патриотические листовки, проводились пламенные беседы, – в общем, осуществлялись жесткие установки доказать и поверить, что наступательный дух столь высок, и враг столь примитивен, что будет сокрушен в считанные минуты... к тому же, убеждали все эти товарищи, враг плохо подготовлен к войне и давно не верит своим командирам и высшему военному командованию... Эта работа была осуществлена столь интенсивно, столь успешно, что оказавшись вдруг в ситуации, вызванной агрессией вермахта, – не в роли наступающих, а в роли отбивающихся – части корпуса сразу же оказались сломленными морально; не умевшие воевать в обороне, солдаты чаще всего в ужасе разбегались и попадали под смертельный огонь своих же сограждан – под огонь подразделений НКВД, находившихся в их тылу.

А тогда, в июньские дни 1941 г., в Крым был высажен и Третий воздушно-десантный корпус (ВДК), который одновременно участвовал в учениях с разворачиванием боевого управления штаба корпуса и штабов бригад. С началом учений Черноморского флота и войск Одесского особого военного округа в Крым прибыл и командующий войсками ОдОВО генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, который принимал прибывшие войска 9-го Особого стрелкового корпуса. О том, что Яков Тимофеевич присутствовал в Крыму 9–12 июня и инспектировал войска 9-го корпуса, подтвердил и Маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров (см. журнал «Вопросы истории» № 5 за 1970 г.).

В послевоенные годы советские историки, а также военачальники, в том числе и Н. Г. Кузнецов, другие, находившиеся под жестким прессом коммунистической идеологии, не указывали, что на территорию Одесского особого военного округа прибыла армия под командованием генерал-лейтенанта И. С. Конева (будущего дважды Героя Советского Союза, кавалера ордена «Победа», Маршала Советского Союза). Но ни И. Конев, ни его заместитель в то время генерал-лейтенант М. Рейтер (впоследствии генерал армии) об этом тоже нигде не вспоминают! И получается, что генерал Я. Черевиченко... даже не знал о передислокации армии с востока на территорию вверенного ему округа. Если почитать мемуары дважды Героя Советского Союза генерала армии П. И. Батова, то увидим, что Павел Иванович пропускает в своих умозаключениях о войне самое важное: когда он готовил 9-й корпус к войне в Закавказье, он одновременно был и заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. Однако Батов не объясняет, что означает «особый корпус», и какие отборные солдаты в нем служат, и почему части и соединения корпуса отрабатывают элементы оперативной посадки войск и погрузки боевой техники и вооружения на боевые корабли Черноморского флота?! И еще – отрабатывают условия дальнейшей высадки на

чужой берег с целью захвата или разгрома (поджога) нефтяных вышек и скважин. Павел Иванович, писавший свои мемуары, надо полагать, забыл, почему в корпусе, которым он командует, осуществляется небывалая даже по сталинским стандартам, сформированным во второй половине 30-х годов, пропаганда *«освободительной войны на территории агрессора»*. И почему эту спецпропаганду осуществляют специально для этого прибывшие специалисты из ЦК ВКП(б) наркомата внутренних дел, Главного управления Государственной безопасности и Главного управления политической пропаганды Красной армии и флота? И почему 13 июня 1941 г. личный состав частей и соединений 9-го Особого стрелкового корпуса, вплоть до рядовых красноармейцев, получил русско-румынские разговорники? Осторожные высказывания об этом можно найти в мемуарах некоторых военачальников, но только не у Павла Ивановича, командовавшего этим самым корпусом. Зато «выдающийся полководец» П. И. Батов, удостоенный за годы войны нескольких орденов Ленина, полководческих орденов Суворова и Кутузова, двух Золотых Звезд, не забыл вписать в свои мемуары, что 11-я армия вермахта под командованием генерал-полковника Эриха фон Манштейна, оседлавшая Перекопский перешеек, «значительно превосходила силы Крымского фронта по количеству войск в 3–4 раза и почти в 4 раза – по количеству танков, почти в 5 раз – в авиации и в 3 раза – по артиллерии». ... Да, Павел Иванович Батов, это же надо было так лгать; тогда как на самом деле его корпус по всем вышеперечисленным параметрам превосходил 75-тысячную группировку 11-й армии вермахта по крайней мере в 5–6 раз! И это он проявил «чудеса» безграмотности и трусости, как и весь высший и старший командный состав не только 9-го корпуса, но и трех советских объединений (армий), засевших позже на Керченском полуострове. Ложью прикрывалась трусость, ложью подпитывалась преступная идеология страны.

Не писали советские полководцы о том, *что* и *как* происходило в СССР в канун немецкой агрессии, и не связывали воедино учения 9-го Особого стрелкового корпуса, 3-го воздушно-десантного корпуса и 14-го стрелкового корпуса, который проводил учения по высадке своих дивизий с кораблей Дунайской флотилии, тогда как 3-й ВДК десантировался с самолетов и планеров. Учения этих высших соединений проводились во взаимодействии с Черноморским флотом, и были связаны по месту, времени, целям и задачам. А ведь это ни что иное, как, в соответствии с секретным планом «Гроза», учения гигантских масштабов различных видов и родов Вооруженных Сил СССР, имеют конкретную цель: наступление. Это *один* войны (преддверие), как говорил маршал Шапошников.

Далее будет более подробно освещена эпопея катастрофы Крымского фронта и участие в ней этих трех объединений Красной армии, 9-го Особого стрелкового корпуса, Отдельной Приморской армии и ЧФ.

В канун агрессии германского вермахта в стране сжатыми и жесткими темпами формировались *три сверхударные армии*; и это было уникальное явление в самой природе и сути армий вторжения.

Но и среди этих сверхмощных трех армий выделялась одна – с тем самым, что и корпус, магическим числом: 9-я армия; она особо проявила себя в финской кампании, после которой словно бы... растворилась, растаяла на необъятных просторах огромного СССР. И, казалось бы неожиданно, по прошествии недолгого времени, объявилась под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. (подписанного вечером 13-го, а переданного по радио рано утром 14-го); но армия еще недоукомплектована, и к 13–14 июня была еще не достроенной структурой самого мощного объединения мира.

В ее составе 6 корпусов, а к 5 июля 1941 года (накануне вторжения) планируется ввести еще 3 корпуса; а пока эти 6 корпусов включают 2 механизированных и одну кавалерийскую дивизии. К 21 июня 1941 г. 9-я армия уже насчитывает 17 дивизий, в том числе 2 авиационные, 2 моторизованные, 2 кавалерийские, 4 танковые, 7 стрелковых. В целом такими же быстрыми темпами идет формирование и еще двух сверхударных армий, но в состав 9-

й армии предполагают включить еще и 27-й мехкорпус под командованием генерал-майора Ивана Ефимовича Петрова, – кстати, ставшего одним из главных героев событий Черноморского флота 1941–1942 годов.

Генерал Петров, бывший до этого начальником военного училища, сформировал корпус в Туркестанском военном округе (ТуркВО), затем перебросил этот корпус на запад. После того как его включили в состав 9-й армии, в ней будет насчитываться уже 20 дивизий. Ну а до 1 июля 1941 года запланировано сформировать еще 15 дивизий, включая 6 танковых; всего же будет – небывалая мощь! – 45 дивизий, как и запланировано стратегическим планом «Гроза», долженствующим начаться 6 июля 1941 года.

И если считать, что полное укомплектование 9-й армии завершится к 1 июля 1941 года, то в ней будет уже 3.350 танков – такого количества танков ни в одной армии мира никогда не было! Количество этих танков только в одной-единственной советской армии практически соответствует наличию всех танков германского вермахта. Командует же сверхударной армией генерал-полковник Павел Белов, и на тот момент он – единственный человек, командующий самой огромной армией в таком воинском звании.

Во всей армии СССР тогда было восемь генерал-полковников; в авиации – ни одного, в НКВД – ни одного, в танковых – ни одного, а во главе тридцати одной (!) советской армии (объединений) генерал-майоры и генерал-лейтенанты. Соответствующее генерал-полковнику воинское звание в ВМФ – адмирал имеется лишь у двоих: у Н. Г. Кузнецова и И. С. Исакова.

В первой половине июня 1941 г. – по указанию Сталина и согласно директиве наркома обороны и начальника Генштаба – самые мощные три армии входили в завершающую стадию формирования.

Причем 9-я армия создается вблизи границ с Румынией. Первые ее соединения появились здесь еще в июне 1940-го. Ровно через год под прикрытием Сообщения ТАСС от 13 июня 1941 г. она в своей могучей целостности появляется там, где год назад было завершено так называемое *«освобождение западных народов»*. И коли впереди наступление, то целью армии будет Румыния, как основной источник нефти для Германии. При нанесении удара по Румынии Германия останется без нефти, а, значит, произойдет остановка всей боевой техники: самолетов, танков, машин, кораблей, транспорта и всей промышленности; ибо нефть – кровь войны. А удар по Румынии мощью сверхударной 9-й армии – прямое попадание в сердце Третьего рейха.

С целью поразить сердце Германии в 9-й армии были собраны самые перспективные военачальники. Штаб 9-й армии и штаб Одесского особого военного округа сливаются в единый оперативно-стратегический механизм, могущий так же просто разъединиться. В день Сообщения ТАСС это разъединение и было осуществлено. Что касается слияния, то оно осуществлялось для того, чтобы разведка Абвера и VI управления РСХА обнаружили... внезапное исчезновение 9-й армии; тогда как она не исчезала, а притаилась под прикрытием слияния со штабом ОдОВО.

После того, как первый командующий генерал-полковник Белов был расстрелян органами НКВД как «враг народа», его заменил относительно молодой и дерзкий генерал-майор Родион Яковлевич Малиновский (впоследствии – член ЦК КПСС, министр обороны СССР, дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа», Маршал Советского Союза). Через четыре года после вступления в должность командующего 9-й армией Малиновский поразит мир потрясающим броском через пустыню Гоби и горы Хингана на гигантскую оперативную глубину в Маньчжурии, команду войсками Забайкальского фронта.

В 1941 г. перед генералом Малиновским и его штабом, командирами соединений 9-й армии стояла сложнейшая задача: им предстояло пройти 180 км, правда, по вполне хорошим

дорогам и нанести удар по румынской армии. Конечно, в 1945-м, чтобы нанести удар по мощной Квантунской армии, довелось пройти по горам и пустыни целых 810 км. Сложность первого перехода была в том, что Малиновский лишь теоретически представлял, что его ждет, ибо ни один генерал в мире не имел в своем распоряжении столько техники, вооружений и боеприпасов, сколько имел он. У него в 9-й армии было в три раза больше танков, чем в любой из танковых армий СССР в 1945 году! Но вермахт сорвал эту задачу...

Столь подробным освещением подготовки к агрессивной войне СССР против Германии на юге страны я предусматриваю рассмотреть, какова была роль сухопутных сил на этом участке в соответствии с планом «Гроза», и какая роль в этом отводилась Черноморскому флоту. Уже при таком раскладе хорошо видно, что роль самого южного флота была весьма несложной, скорей, вспомогательной. Никаких морских баталий не планировалось, и не удивительно, что обстоятельный и обаятельный маршал Шапошников, так любезно относившийся к Николаю Герасимовичу Кузнецову, деликатно уклонялся от более подробного и, естественно, запрещенного объяснения о том, *что, как и когда* будет осуществляться.

Глава 3

После празднования Дня 1 мая 1941 года Николай Герасимович возвратился домой несколько раньше, чем обычно. Поужинав с семьей, он прилег отдохнуть, но сон не шел. Ему вспоминалось его участие в гражданской войне в Испании 1936 г. и та странная встреча, которая произошла недалеко от Картахены.

...К причалу порта подходили транспорты с оружием; во внутренней гавани находился арсенал, окруженный высоким кирпичным забором. С пришедших транспортов уже разгрузили партию советских танков, и по всему городу только и шли разговоры об этом. А когда танки появились на улицы Картахены, жители приветствовали их различными возгласами.

После одного из разговоров с Мадридом, вернее, с ответственным работником по поставкам вооружений республиканцем Индалесио Приетто, Николай Герасимович принял решение прогуляться в тенистой аллее некогда прекрасного курорта. Медленно прогуливаясь, он обратил внимание на то, что с ближайшей скамьи навстречу ему поднялся человек; подойдя, незнакомец поздоровался.

— Дон Николас, здравствуйте... конечно, вы меня не знаете... Вам рекомендуется прочесть содержание этого пакета, и, прошу, не спешите выбрасывать его. Вы познакомитесь с историей Русского флота, которую вам не преподавали в Военно-морском училище большевистской России. И еще: прошу не считать это провокацией со стороны чекистов. Я знаю, вы осторожно относитесь к этой... организации... и правильно делаете... Не буду говорить о том, кого я представляю, скажу лишь, что в канун Первой мировой войны я закончил Морской корпус и служил в разведотделе Адмиралтейства. Мне, как и моим товарищам, известна установка определенных сил в США и в Европе, влияющих на то, чтобы вождь большевиков Сталин ставил на первые посты в армии и на флоте людей, подобных вам, а в окружение подбирал, скажем так... людей совершенно противоположных... чтобы вы находились под постоянным контролем их... со временем вы поймете, кто они... Скажу больше: ваша кандидатура после возвращения из Испании будет рассматриваться на пост командующего одного из флотов с перспективой дальнейшего перевода в Москву.

Не давая Кузнецову возможности что-либо ответить или спросить, незнакомец, успевший за короткий монолог невольно расположить к себе, изящным движением приподнял шляпу и, откланявшись, исчез.

Николай Герасимович невольно оглянулся, поймав себя на мысли, что человек этот выбрал прекрасное место в плане конспирации. Но тут же иная мысль остро пронзила мозг: а что, если это тщательно организованная провокация чекистов? — тогда следует, не распечатывая увесистый пакет, передать его в органы. Сунув полученный пакет под мышку, он решительно направился к своему особняку, но чем ближе подходил к дому, тем все медленнее становились его шаги, и простое человеческое любопытство вкупе со сформировавшимся уже воинским профессионализмом потребовали от него перво-наперво взглянуть и ознакомиться с содержимым бумаг...

Николай Герасимович поднялся с дивана и направился в спальню к супруге Вере Николаевне, которая, зная чрезвычайную занятость мужа, все же с трудом привыкшая к его длительным отсутствиям, старалась не показывать тревоги. Ревновала ли она его? Не исключено, на то она и женщина, которая любит.

Н. Г. Кузнецов — высокий, со слегка раскосыми глазами, с красивым баритоном, в ладно сидящей на нем форме моряка — всегда привлекал внимание не только ярко выраженной внешностью помора, но и культурой обращения с людьми. Впрочем, он не давал супруге повода для расстройств и, казалось, был всецело поглощен делами флота... А в этот Перво-

майский день, вернувшись с торжеств хмурый, он с трудом улыбался за столом, мало говорил, почти не ел и вскоре ушел в свой кабинет. И вот наконец, спустя немногим более двух часов, отбросив все тяжелые мысли, он вошел в ее спальню...

Еще только забрезжили первые лучи солнца, как Николай Герасимович поднялся, принял душ, выпил свежий чай и еще через полторы-две минуты автомобиль уносил его в Штаб флота.

А на четвертый день после этого – 5 мая 1941 г. – в Кремле состоялся прием выпускников военных академий Красной армии и флота, на котором Сталин выступил с «секретной» речью, заявив, что *«война с Германией начнется не раньше 1942 года»*, т. е. по завершении пятилетки.

Если судить об этой фразе с высоты нашего времени без учета разнообразных нюансов, то Сталин, сделав такое заявление, «совершил политический просчет» и ошибся в сроках начала войны.

Но так ли это?

Представим себе Кремль, Георгиевский зал или Грановитую палату и сидящих *академиков*, как тогда называли выпускников военных академий. Не сотни, а тысячи пар вождельных глаз, отрешившись от всего мира, сопровождают малейшее движение вождя, не сотни, а тысячи ушей внимают его словам и... вождь своим заявлением снимает напряжение с выпускников, ставит перед ними задачу: не сегодня. Кроме того, Сталин знает, что как бы ни старалась контрразведка, а среди этих выпускников могут оказаться враги, и любой срок, произнесенный им, станет достоянием общественности. А чтобы это предотвратить, надо сделать коварное заявление именно перед элитой вооруженных сил, которых на протяжении всей учебы в академиях готовили только к наступательным операциям против врага; наступать – иного понимания дальнейшей миссии для своих учеников профессорско-преподавательский состав не предусматривал.

В Кремле Сталина слушают не только выпускники и ученые, но и высшее политическое руководство партии и правительства, высший командный состав Красной армии и РККФ, среди которых и адмирал Н. Г. Кузнецов.

О выступлении Генсека проинформированы все командиры соединений и объединений армии и флота, но среди слушателей – и те, кто по приказу Сталина должны осуществить *утечку* некоторых моментов речи вождя. При этом он не сомневался, что найдутся и те, кто эту утечку осуществит самостоятельно. Не исключено, что удастся выявить всех «незапланированных» возможных информаторов противника и через них дезинформировать противную сторону, вводя в заблуждение в части, касающейся осуществления плана «Гроза».

Речь Сталина не была опубликована в печати; но ее содержание знают тысячи людей, слушавших его. Это не парадокс, а тщательно спланированная акция, и Николай Герасимович оставляет потомкам запись, что тогда же была разработана директива Генштаба: *«... очень важная директива, нацеливающая командующих округов и флотов на Германию, как на самого вероятного противника в будущей войне»* (из книги «Накануне»). Директива от 5 мая была отдана, но срок начала войны в ней не указан, указано лишь, что следует ждать условного сигнала и быть готовым в любой момент начать боевые действия. Эта фраза, помимо всех поступавших сведений, более всего беспокоила военное командование Германии, результатом чего стало введение в действие плана «Барбаросса», действие, припавшее на срок за две недели до ввода плана «Гроза».

На основании секретной директивы от 5 мая 1941 г. уже 15 июня были отданы приказы командованию соединениями и объединениями Красной армии; круг *посвященных* расширился до нескольких сотен командиров. А за день до этого – 14 июня 1941 г. ТАСС передает

сообщение о том, что СССР не собирается нападать на Германию и перебрасывает часть сил армии в западную часть страны в связи с учениями. Тогда как генералам отдается приказ в любой момент быть готовыми к захвату чужой территории.

Но командование вермахта, как и политическое руководство Германии, усомнилось в подобном заявлении советского правительства, как и в том, что СССР нападет на Германию только в 1942 году.

13 июня 1941 г. (день подписания документа, известного как сообщение ТАСС) является одной из переломных дат в истории СССР. Ибо в этот день по всей стране началась титаническая работа по переброске такого огромного количества войск, что с этой задачей едва справлялся наркомат путей сообщения. Задействованными оказались почти все наркоматы и ведомства советской страны. В этой обстановке в военных штабах столицы царило жесточайшее напряжение, связанное с небывалой тайной передислокацией войск, которые должны были образовать Второй стратегический эшелон Красной армии. Численный состав его составлял около 80 танковых, моторизованных и стрелковых дивизий, не считая десятков отдельных полков и сотен отдельных батальонов.

Напомним, что состав Первого стратегического эшелона состоял из 16 армий, в которые входило более 190 дивизий и самая мощная группировка армии, сосредоточенная на румынской границе, имевшая целью отрезать нефтепромыслы Плоешти от Германии.

13 июня 1941 г. были также осуществлены некоторые шаги сталинской дипломатии. Так, в Лондоне состоялась встреча советского посла Ивана Михайловича Майского с министром иностранных дел (Форрин Офиса) Энтони Иденом, на которой Майский разыграл спектакль с топаньем ног и требованием отозвать британского посла в Москве Криппса. Когда впоследствии Майскому задали вопрос, с чем связана подобная бестактность его поведения, он ответил, что... встреча прошла в дружественной обстановке на пользу народам двух стран.

Одновременно советские дипломаты вели переговоры с Германией о Польше. Были также осуществлены встречи на уровне советского посла и руководства Госдепа США.

Буквально через несколько часов после сообщения ТАСС рано утром 14 июня 1941 года Николай Герасимович, приехав на службу, сразу же углубился в чтение оперативных документов и сводок, пришедших с флотов. К сожалению, они не радовали; о предварительных результатах учений сообщал из Севастополя начальник ГМШ адмирал Исаков; отдельная информация об этом от командующего вице-адмирала Октябрьского пока не поступила.

Николай Герасимович взглянул на аппарат ВЧ, собираясь позвонить в Севастополь, как дверь приоткрылась и вошел член Военного совета – начальник Главного управления политической пропаганды РККФ, армейский комиссар 2-го ранга Иван Васильевич Рогов. Поздоровавшись, Иван Васильевич сообщил о своей встрече с членом Военного совета РККФ, членом Политбюро ЦК ВКП(б), секретарем ЦК ВКП(б), первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Андреем Александровичем Ждановым, с которым они обсудили тему дальнейшего укрепления партийной линии на кораблях и в частях флота.

Кузнецов, хорошо зная заместителя по политчасти и ничем не выказывая своего отношения, отодвинув рабочие документы, приготовился слушать. Тот, воспользовавшись этим, сразу же начал повествовать, да так, словно перед ним был не нарком Военно-морского флота, а выпускник училища, только что одевший китель с нашивками лейтенанта:

– Вот вам расклад... товарищ Сталин, подчеркивая особую значимость нашей партии, имеет в виду, что наверху ее руководящие слои составляют около 4 000 высших руководителей. Я бы это назвал генералитетом нашей партии. Далее идут 40 000 средних руководителей, что образно можно сравнить с командирами Красной армии и флота. Еще ниже

насчитывается около 200 000 низшего партийного руководящего состава. Это, можно сказать, наше партийное офицерство...

Николай Герасимович читал об этом в газете «Правда» еще 29 марта 1937 г., не единожды и Рогов распиная на подобную тему; ни единым мускулом на лице не выдал нарком своего неудовольствия и продолжал внимать интерпретации газетной статьи устами начальника Главного управления политпропаганды.

— Как вы помните, партия, чтобы не загнивала, осуществила чистки в своих рядах. После чего начала новый этап, и этап этот пошел с конца 38-го года, с XVIII съезда ВКП(б). Мы должны иметь в виду, что структуры партии: райкомы, горкомы, обкомы, крайкомы, ЦК союзных республик — это властные структуры государства. И действуют они централизованно... Ну а в наших флотских структурах все коммунистические ячейки должны действовать с утроенной силой. ...через военные отделы наша партия осуществляет контроль всего процесса подготовки к войне, контролирует мобилизационные запасы, перевод промышленности, сельского хозяйства, связи и транспорта на военные рельсы. Партия руководит сложнейшим и архитрудным процессом подготовки всего нашего народа к войне. Вы, Николай Герасимович, не могли не заметить, что в последнее время все партийные работники, начиная от ЦК ВКП(б) до низовых партийных звеньев одели серо-зеленые защитные гимнастерки и портупеи, да обули командирские сапоги, а? Вот ведь как, ЦК партии укрепил флотские и воинские ряды своими кадрами. Какова взаимосвязь! — в начале 1941 года организован был набор генералов и адмиралов в кандидаты и члены ЦК ВКП(б). Так грань между партией и вооруженными силами практически стерлась...

Николай Герасимович, слушая собеседника, наверняка пришедшего не только поговорить, но и так, по долгу службы, присмотреть за ним, никак не реагировал, если не считать легкого утвердительного покачивания головой. Пока ничего нового Рогов не сказал; конечно, Кузнецов знал, что помимо 4 000 коммунистов, которые были определены на политработу в РККА и флот, в августе 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд важнейших постановлений, после осуществления которых в том же году в армии и на флоте в числе руководящих политработников было уже 190 000 коммунистов. А к маю текущего, 1941 года, армия коммунистов составляет уже более 600 000!

Итак, 4 000 коммунистов послали на партийную работу на уровень рот и кораблей 4-го и 3-го ранга, а также в боевые части кораблей 2-го и 1-го ранга. Но в 1939 г. было внесено предложение о ликвидации должностей политработников на ротном уровне, после чего эти должности стали сокращать. Что из этого получилось? После этой реорганизации количество солдат и матросов увеличилось более чем в 6 раз, а число политработников сократилось в 5 раз, ведь на уровне батальона, командира корабля 3-го ранга остался только один политработник. В этом, казалось бы, суть экономии, ибо из высвободившихся людей можно сформировать боевые подразделения. Но... это если считать в количественном соотношении относительно рядовых солдат. А политработник, как не раз утверждал и Рогов, «стоит десяти, а то и более красноармейцев и краснофлотцев». Исходя из подобной оценки, были пересмотрены подходы формирования политработников в РККА.

— А помните, — все еще продолжал говорить Иван Васильевич, — 13 марта 1940 года вышло постановление «О военной переподготовке и переаттестовании работников партийных комитетов и о порядке их мобилизации в РККА»? Я еще принимал активное участие в его разработке. В соответствии с этим постановлением и указаниями товарища Сталина, «ответственные работники аппарата ЦК ВКП(б) находятся на персональном учете обоих военных наркоматов и мобилизуются для работы в армии и на флоте решением ЦК ВКП(б) по представлению военных наркоматов и управления кадров ЦК ВКП(б)»... как видите, я даже текст помню дословно.

Иван Васильевич еще долго мусолил прописные истины, отвлекая наркома ВМФ, но Николай Герасимович постепенно переключился на другие мысли, хотя лицо его выражало полнейшее внимание к словам «достойного представителя ЦК партии в Военно-морском флоте»...

А буквально через 2–3 дня выйдет новое постановление ЦК ВКП(б) об очередном наборе коммунистов на партполитработу в армию и на флот. И Кузнецову было понятно с чем это связано, – Сталин и высшее руководство партии и страны все еще сомневаются в полной надежности рядов армии и флота... Но опасно не это; опасения вызывает то, что те военачальники армии и флота, которые не оказались в лагерях, не исключено, могут допускать крамольные мысли (даже не высказывать, а допускать!), а потому их *«нормальное, правильное»* состояние по отношению к высшему руководству партии должны обеспечить партпредставители на всех уровнях воинской власти.

Нарком вспомнил, что точно так было в августе 1939-го на границе с Польшей. Да, точно так же... спустя 19 дней после постановления о призыве номенклатурных работников ЦК ВКП(б) в РККА, вооруженные силы СССР нанесли удар, «присоединив» Бессарабию, Молдавию, западные районы Украины и Белоруссии, а также Эстонию, Латвию и Литву... и если сопоставить, то... и сейчас, после вышедшего постановления... в условиях, когда идет планомерное сосредоточение советских войск по всему периметру западной границы с Германией и Румынией...

А тем временем начальник Генштаба Красной армии Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников после короткой встречи в кабинете у Сталина, подытожил:

– Товарищ Сталин, прошу вас меня отпустить, и в час ночи я доложу свое мнение по поставленной вами задаче.

Вождь взглянул исподлобья:

– Хорошо, Борис Михайлович, скажите, мы правильно делаем, что рассматриваем вопрос о восстановлении института комиссаров в Красной армии?

– Да, товарищ Сталин, с вами нельзя не согласиться. Восстановление института комиссаров, особенно в первые дни осуществления операции «Гроза», потребует значительного контроля действий наших генералов, в которых уже в настоящее время ощущается некоторый дефицит. Поэтому я полагаю, что буквально с 20 по 25 июня в строй должны быть возвращены ряд военачальников, которые, на мой взгляд, не совершили ничего предосудительного по отношению к нашей партии и народу, и их следует освободить из мест заключения. А чтобы быть спокойными, к ним и надо приставить опытных политработников, прошедших боевую и политическую закалку под непосредственным руководством члена Политбюро ЦК ВКП(б) Лаврентия Павловича Берия. Освобождение таких военачальников, список которых я вам готов представить немедленно и за которых я ручаюсь, следует проводить поэтапно. И чтобы дать возможность этим людям восстановить здоровье, их вместе с членами семей нужно отправить в санатории Подмосковья, Кавказа и Крыма... уверен, они почувствуют, что вами им оказано высокое доверие. После пережитого у каждого из этих военачальников возникнет огромное чувство благодарности лично вам, товарищ Сталин, за то, что вы персонально разобрались в деле каждого из них... и они проявят столь высокую преданность вам, о которой не может мечтать никакой другой человек.

Маршал открыл папку, чтобы при положительном решении со стороны вождя тут же подать список с графиком освобождения осужденных военачальников. Он рисковал, но для него игра стоила свеч; он понял, что вытребовать военачальников из лагерей можно было только согласившись на присутствие возле них сверхдательных обученных надсмотрщиков-комиссаров.

– Что ж, Борис Михайлович, вы как всегда вовремя заботитесь о нашем с вами деле. Оставляйте список.

Как только маршал покинул кабинет, вождь нажал кнопку и сказал вошедшему секретарю А. Н. Поскребышеву:

– Вызови мне Лаврентия.

– Он здесь, товарищ Сталин.

Когда нарком внутренних дел вошел, Сталин раздраженно бросил:

– Слушай, ты что все здесь сидишь? У меня для этого есть Власик, а ты вроде как его подменяешь. Может поменять вас местами?

– Что вы, товарищ Сталин, я просто почувствовал, что вы должны меня вызвать. И вошел я тогда, когда маршал покидал вашу приемную.

– Ну хорошо. Помнишь, мы говорили о комиссарах? Подготовь таких людей к началу нашей операции. И не забывай, что и уже действующие комиссары должны быть сверхбдительными.

– Меня, товарищ Сталин, беспокоят некоторые политработники на флотах...

Но вождь перебил:

– Ты что, хочешь сказать, что Кузнецов тебя обошел? Ошибаешься. У нас там надежное обеспечение: начальник штаба Исаков, комиссар Рогов, адмиралы Галлер, Алафузов. Они всегда поставят нас в известность о... неправильном поведении товарища Кузнецова...

Глава 4

Закончив рабочий день далеко за полночь, Николай Герасимович поймал себя на мысли, что ему очень хочется к семье, но что-то не пускает, не дает подняться и уйти...

И вот снова вспомнилась Картахена, 1936 год, поставки вооружений и боевой техники, встреча с незнакомцем, вручившим увесистый пакет, который он так тогда и не потропился сдать в органы. Внимательно ознакомившись с содержанием, он уничтожил бесценные бумаги, но они перевернули его сознание, навсегда оставив ощущение безвозвратной утраты некоего главного стержня, на котором должен держаться дух русского человека... дух истинного флотоводца...

Конечно, из бумаг Кузнецов узнал, что тогда к нему обратился М. А. Беренс, однако так никогда и не узнал, что русский морской офицер только исполнял просьбу графа А. Г. Канкрин; пути этих двух славных сынов Отечества сходились не единожды, и одной из общих болезненных точек их соприкосновения была Бизерта, где у тунисских берегов почтили остатки растеребленного Русского флота...

Михаил Андреевич Беренс, родившийся в 1879 г., окончил морской корпус, затем штурманский офицерский класс, служил на эскадре Тихого океана, участвовал в войне с Китаем в 1900–1901 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг.; нес морскую службу на канонерской лодке «Гиляк», других кораблях, был участником сражения в Порт-Артуре. За героизм, проявленный в боях, удостоен орденов Св. Анны 2-й степени с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Золотой сабли с надписью «За храбрость». С 1906 г. служил на Балтийском флоте, с 1909-го по 1911-й был помощником старшего офицера и старшим офицером на крейсере «Диана». В 1915 г. – капитан 2-го ранга, назначен командиром самого эффективного в мире и головного в серии современных кораблей эсминца «Новик». В должности командира эсминца участвовал в Первой мировой войне; ему были Высочайше пожалованы ордена Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Кавалерский крест французского ордена Почетного легиона. За боевые отличия также удостоен ордена Св. Георгия 4-й ст.

В 1916 г., получив чин капитана 1-го ранга, назначен командиром линейного корабля «Петропавловск». Однако весной 1917 г. у него возник конфликт с провокаторами в экипаже линкора. Чтобы не обострять отношения на лучшем боевом корабле флота, командование приняло решение перевести М. А. Беренса на должность начальника штаба Минной обороны Балтийского моря. В условиях царившего революционного беспредела и развала флота какое-то время он смог обеспечивать поддержание боевой готовности минных сил.

После Октябрьского переворота и захвата власти в России иностранными силами, Беренс покинул службу на флоте и убыл на Дальний Восток, где вскоре поступил на службу к адмиралу А. В. Колчаку. По поручению которого в январе 1920 г. принял командование морскими силами на Тихом океане. После гибели адмирала Колчака (это всего лишь официальная версия...) Беренс, уже контр-адмирал, 31 января возглавил группу вспомогательных судов с гардемаринами Морского училища и беженцами на борту, уходившую из Владивостока в Цуругу. К осени 1920 г. Михаил Андреевич прибыл на Черное море и поступил в подчинение к генерал-лейтенанту и барону Петру Николаевичу Врангелю. С конца сентября возглавлял боевую деятельность сил флота на Азовском море; с 27 октября – начальник второго отряда судов Черноморского флота и старший морской начальник в Керчи. В самый сложный и трагический для Русского флота момент М. А. Беренс принял грамотные и решительные меры по организации эвакуации войск и гражданского населения, вывода кораблей и транспортных средств с Керченского полуострова и перехода в Стамбул; не потеряв при этой вынужденной эвакуации ни единой живой души, ни одной единицы боевой техники и вооружения.

Согласно послужному списку, с 21 ноября 1920-го он – младший флагман 2-го отряда, один из руководителей перехода кораблей в Бизерту. С января 1921 г. – командующий Русской эскадрой в военно-морской базе Бизерта (Тунис). М. А. Беренс обеспечил сохранность и ремонт кораблей, основного кадрового состава моряков и древних флотских традиций среди навсегда покинувших родину. Известно также, что контр-адмирал уделял большое внимание социальной и правовой защите беженцев, воспитанию и обучению кадет и гардемарин Морского корпуса в Бизерте.

С 29 октября 1924 г., после признания Францией Советского Союза, М. А. Беренс сдал командование и в последующем жил как частное лицо на территории Франции и Туниса до своей кончины в 1943 г.

Любопытный факт: старший брат *Евгений Андреевич Беренс* (1876 г. – 1928 г.), капитан 1-го ранга с 1916 г., принял советскую власть и с 1919 по 1920 г. был командующим морскими и речными вооруженными силами Республики; с 1920 г. – состоял уполномоченным по особо важным поручениям при Реввоенсовете Республики. Участвовал в международных конференциях в Генуе, в Лозанне, Риме и Женеве. В 1924–1926 гг. он – военно-морской атташе СССР в Лондоне и Париже. Участвовал в переговорах по проблеме о возможном возвращении Францией русских кораблей (эскадры ЧФ в Бизерте, где в роли отверженца новой инородной властью пытался уберечь остатки великих традиций Русского флота родной младший брат...).

Е. А. Беренс выполнял правительственные поручения, связанные с добыванием военных секретов в других европейских государствах. С 1926 г. состоял в должности чиновника для особо важных поручений при наркоме по военным и морским делам и председателе Реввоенсовета СССР. Занимал критическую позицию по поводу военных контактов СССР и Германии.

Итак, факт противостояния судеб двух братьев любопытен, но... были и те, или тот, кто этот факт учитывал; в 1928 году граф А. Г. Канкрин встретился с Михаилом Андреевичем Беренсом и после длительной беседы передал ему кое-какие бумаги. То были материалы Имперской разведки о планах международных еврейских финансовых групп по уничтожению Русского флота правительством приведенного ими к власти Ленина, а после его смерти – планы дальнейшего разрушения флота, остатков кадрового состава и создание уже Сталиным флота советской страны как третьестепенного атрибута новых вооруженных сил. В разговоре с М. А. Беренсом граф выражал уверенность, что, несмотря на захват власти в России резидентами международного масонства, найдутся русские люди, которые не допустят окончательного разрушения и уничтожения всего того, что накоплено достойными потомками зачинателя славы Русского флота Петра Первого. Ими был оговорен и тот факт, что в советском еврейско-большевистском правительстве – по совету заокеанских властелинов – наметилась и иная тенденция: приведя флот к патовой ситуации, создать иллюзию, что им руководят настоящие русские люди, назначив после евреев и полуевреев чистокровного русского человека, желательно выходца из северных районов страны. Получалось, что самой подходящей кандидатурой для тех, кто просчитывал на десятилетия (а то и на столетия) вперед, стал Николай Герасимович Кузнецов, выходец из поморов, которых сам Петр Первый считал лучшими моряками.

Для информации к размышлению приведем список тех, кто занимал пост главнокомандующего ВМФ (или соответствующую ему должность) с 1917 г. по период, который здесь означен – конец 20-х годов XX века. В. М. Альтфатер (октябрь 1918 – апрель 1919 гг., из немцев); Е. А. Беренс (май 1919 – февраль 1920 гг., из лифляндских немцев); А. В. Немитц (февраль 1920 – декабрь 1921 гг., из древнегерманского аристократического рода, из ветви императора Карла Великого); Э. С. Панцержанский (декабрь 1921 – декабрь 1924 гг., из поль-

ских евреев); В. И. Зоф (декабрь 1924 – август 1926 гг., еврей); Р. А. Муклевич (август 1926 – июль 1931 гг., еврей)...

Граф А. Г. Канкрин рекомендовал не допустить такого развития событий, при которых флот у берегов России окончательно погибнет, сделав все возможное для его спасения. Конечно, то был почти безнадежный шаг (вернее, один из шагов) истинного патриота; особенно после многих неудачных попыток эмигрантских кругов как-то изменить ситуацию. Шла ли речь в разговоре графа с М. А. Беренсом о Николае Герасимовиче Кузнецове или Михаил Андреевич по истечении времени сам пришел к выводу (или получил информацию из неких источников), что определенными кругами ставка будет сделана на Кузнецова – история умалчивает... В 1929 году в Бизерте одним из организаторов и руководителей партийной разведки Сталина был убит граф Канкрин; а в 1936 году в Испании Беренс встретился с Кузнецовым...

Расчеты оказались верны: Н. Г. Кузнецов был отправлен в Испанию с целью «проверки на вшивость», затем его в качестве командующего перебрасывают на Тихоокеанский флот. Сначала исключают возможность нахождения Кузнецова в стране, где развернулись массовые репрессии двух еврейских кланов (сталинский уничтожал ленинский), а затем – отправляют подальше от центра, поставив задачу внедрять полученный в Испании опыт войны на самом отдаленном флоте государства. И только после переводят в Москву, где с целью окончательной проверки, назначают на должность первого заместителя наркома ВМФ (хотя фактически ему было поручено руководить всем флотом страны).

Просчитал ли когда-нибудь адмирал Кузнецов этот расклад; *что* – живя в заданной схеме – он знал?

В пакете, переданном Михаилом Андреевичем Беренсом, находились и некоторые документы Исторической группы Адмиралтейства министерства морского флота Российской империи.

Как короткое предисловие к документам адмирал Беренс приложил записку, в которой взволнованно писал: *«Из компетентных источников, которым я доверяю, я знаю что вы, уважаемый господин Кузнецов, считаетесь большевистским режимом одним из перспективных начальников флота, и что, возможно, на вас ляжет вся ответственность по совершенствованию сил русского флота в новых исторических условиях. После длительных раздумий я пришел к выводу, что в вашем перспективном росте кроется мистическая сила антирусского заговора, где русские станут жертвой определенных мировых сил, а вы, как русский человек и выходец с Белого моря, будете играть символическую роль русского флотского военачальника в окружении инородного племени. Скорее всего, так и случится, но я прошу вас сделать все возможное, чтобы даже при нашествии инородного племени вы смогли сохранить дух, традиции и силы флота, заложенного Петром Великим. Да воздастся всем от Господа нашего Создателя и да поможет вам Господь Спаситель во имя нашего святого дела».*

История флота, прочитанная и пропущенная через сердце, стала основой всех дальнейших поступков Николая Герасимовича Кузнецова, – настолько, насколько это позволяли обстоятельства и люди *инородного племени*, окружавшие его...

Если открыть том 13 Большой Советской Энциклопедии, то уже буквально по нескольким строчкам из короткой статьи о жизни Николая Герасимовича можно сделать вывод, как много фальшивок было запущено вокруг этого человека.

«Кузнецов Николай Герасимович (р. 11 (24).7. 1902, дер. Медведки, ныне Устюженского р-на Вологодской обл.), советский военный деятель, вице-адмирал (1956), Герой Сов. Союза (14. 9. 1945). Чл. КПСС с 1925. Род. в семье крестьянина. В ВМФ с 1919, участник Гражд. войны 1918–20. Окончил Воен. – мор. уч-ще (1926) и Воен. – мор. академию (1932).

В 1934–36 командир крейсера «Червона Украина». В 1936–37 воен. – мор. атташе и советник в Испании, руководил сов. моряками-добровольцами в освободительной войне исп. народа.

В 1937–39 зам., а затем командующий Тихоокеанским флотом. В 1939–1946 нарком ВМФ СССР...»

Прежде всего, нужно указать, что родился Н. Г. Кузнецов не в 1902-м, а в 1904 году в семье православного казенного крестьянина, что означало принадлежность к высшей степени крестьянского сословия; были среди предков этой семьи и поморские моряки. Что касается «освободительной войны испанского народа», как и «моряков-добровольцев» – то это блеф, когда желаемое выдают за действительное. А упомянув, что Н. Г. Кузнецов в 1956 г. стал вице-адмиралом, классический печатный источник советских идеологов вообще умалчивает о перипетиях его назначений, повышений и понижений в званиях и должностях.

Получив военно-морское образование в 1926 году, а затем «закрепив» полученные знания в этой области в 1932 г., Николай Герасимович узнал многое, кроме самого главного – настоящей истории Русского флота, *что и кто* составляли его Честь, Достоинство и Славу. А все потому, что после 1917 года главными предметами в деле обучения моряков-командиров советского флота стали совсем иные науки. К примеру, в училище – общественные науки «История ВКП(б)», «Марксистско-ленинская и буржуазная философии», «Коммунистическое и социалистическое строительство», «Основы большевистской педагогики и психологии», «Партийно-политическая работа в РККА и РККФ». Далее шли выхолощенные общенаучные и общетехнические дисциплины; специальные дисциплины также преподавались с уклоном большевистской революции, а военно-морские дисциплины были выброшены из курса как... «чуждые трудовому народу».

В Военно-морской академии (ВМА) курс общественных наук предусматривал «Актуальность революционных идей партии», «Марксистско-ленинские установки в философии», «Выступления товарища Сталина на заседаниях ЦК ВКП(б) с 1925 по 1932 годы» (кстати, в 1933 году была введена в курс обучения статья Сталина «Головокружение от успехов»), «Вопросы экономики по построению социализма», «Вопросы построения социализма в отдельно взятой стране», «Вопросы партийно-политической работы в армии и на флоте».

Что касается военно-специальной подготовки, то в связи с дискуссиями в ВМА, организованными под руководством руководителей академии Жерве, Лоудри, других преподавателей, вопросы оперативно-тактического характера и оперативное искусство преподавались хаотично, с большим уклоном на «*патриотическое воспитание*», в соответствии с требованиями ВКП(б). Не были в курсе дисциплин вопросы тактики флота, подводных лодок, надводных кораблей, береговых частей, вопросы управления силами флота, а оперативная, боевая и мобилизационная подготовка не имела под собой ни научной базы, ни практической деятельности на флотах. Все «старое, царское» отвергалось, но и нового не было. А, например, вопросы разведки и изучения армии капиталистических государств были не научной, а практической прерогативой НКВД. Командный состав, который готовился в Военно-морской академии, смутно представлял себе такой раздел дисциплин, как базирование, тыловое и специально-техническое, обеспечение сил флота. Напрочь была выброшена история военно-морского искусства, вместо нее были включены большевистские общественные науки. В силу преобладавшей «сухопутной» позиции руководства страны, флоту и впрямь отводилась третьестепенная участь.

Не мог Николай Герасимович (не говоря уже о других советских военно-морских начальниках, куда как по уму и таланту слабее Н. Г. Кузнецова) ни в училище, ни в академии познать таких дисциплин Академического курса, преподававшихся до 1917 года, как «Морская тактика», «Морское минное искусство», «Военно-морская история», «Морская артиллерия», «История Русского флота» (повествовавшая об истории русских моряков задолго

до путешествий *из варягов в греки*), «Морское международное право», «Флоты и военноморская тактика иностранных держав – Великобритании, Франции, Италии и других государств мира», «Военно-морская статистика», «Основы христианства и иных религий», а еще прибавим обязательное знание не менее трех иностранных языков. Все эти дисциплины как «старорежимные» считались вредными и были уничтожены. Тем самым было нарушено целостное развитие военно-морских науки (как и иных наук, видов деятельности и отраслей) Российского государства.

Между прочим, после русско-японской войны было принято решение о подготовке особо одаренных офицеров в Николаевской морской академии Генерального штаба, срок обучения в которой был увеличен до трех лет. При этом поступающие офицеры должны были сдавать вступительные экзамены. К примеру, на военно-морском факультете: морскую артиллерию; минное дело; штурманское дело; пароходную механику; географию; политическую историю; сочинение по словесности (т. е. русский язык, – тот, настоящий, просуществовавший до 1917 г.); экзамен по иностранным языкам (свободное владение немецким, французским и английским). А на гидрографическом, механическом, кораблестроительном факультетах сдавали: алгебру; геометрию; плоскую и сферическую тригонометрию; аналитическую геометрию; дифференциальное и интегральное исчисление; теоретическую механику; физику; иностранные языки.

Уже одно это говорит об уровне подготовки настоящих флотских командиров для сильного и процветающего Русского флота, считающих за воистину великую честь служить своему Отечеству.

Все вышеперечисленное – *толика* тех знаний Русского флота, которая была выброшена большевиками из курса обучения Морского корпуса, военно-морских училищ и Николаевской военно-морской академии. Назывались при этом две причины: «буржуазность» предыдущего обучения и отсутствие кадров. Однако вскоре на преподавательскую работу путем шантажа, прямых угроз и примерами физической расправы над офицерами и членами их семей были назначены преподаватели из числа бывших офицеров Русского флота. Правда, в архивах большевики не оставляли документальных подтверждений своих революционных «передовых» методов, благодаря которым специалисты соглашались на сотрудничество; и то, как чекисты врываются в дома офицеров (адмиралов) и, приставив к голове жертвы наган, требовали немедленно ответить: либо ты служишь революции, либо ты враг и будешь расстрелян вместе с семьей, – эти жуткие картинки оставались в сознании переживших их и еще, переданные устно, в сознании их потомков. В любом случае офицер (адмирал), вынужденный идти на службу к большевикам, знал, что члены его семьи – заложники новой беспощадной власти. Отдача от таких преподавателей была соответственная... Их заставляли забыть то, что они знали до этого и «читать курс советского флота» с позиций Троцкого, Рошаля, Фрунзе, Ворошилова Тухачевского, Дыбенко и других большевистских деятелей, утопивших в крови Русский флот и Русскую армию.

Глава 5

Сознание Николая Герасимовича потрясли элементарные (на наш взгляд) сведения, относящиеся к истории отечественного флота; истории, которая оборвалась в 1917 году, и о *преимственности* которой с днем сегодняшним вообще не может идти речь; однако Кузнецову, показав бывшее величие флота его соотечественников, внушили тем самым мысль о максимальном сохранении, насколько это возможно, силы и нравственности традиций русского флота в условиях перерождения его во флот советский.

Узнав, *что* Россия имела, *что* потеряла, а *что* приобрела, адмирал Кузнецов мог реально оценивать исторические события, в которых ему приходилось играть далеко не последнюю роль, да и саму эпоху в целом... И то, что происходило с Черноморским флотом в 1941–1942 гг., как составной единицей всего ВМФ, возглавляемого в те годы Н. Г. Кузнецовым, было трагичной закономерностью (тогда как без знания истинной Истории все, что было на ЧФ в начале 40-х годов XX века преподносится нам как подвиг беспримерного мужества и массового героизма, но никак не трагедия, за которую кто-то конкретный должен был бы ответить...).

Впервые всерьез идея создания своего флота возникла у русичей за 15 000–17 000 лет до возрождения Русского флота Петром Великим (который хорошо знал о давних флотских опытах и путешествиях древних русичей к ацтекам в Америку и на Японские острова, о чем *имелись* свидетельства). Решение о его – не строительстве, как говорится в большинстве источников, а – воссоздании (!) берет начало с исторической триады дат: 1696 г. – «Флоту быть!», 1701 г. – «Военно-морскому образованию – быть!», 1703 г. – «Новой столице России Санкт-Петербургу – быть!». И уже с первой четверти XVIII века Россия заявила о себе как о великой морской державе. Именно Петр I (1672–1725 гг.) пришел к осознанию идеи рационального соотношения континентального и морского мышления; уникальный правитель уразумел, что полностью закрепить победы на суше в ходе Северной войны, можно лишь одержав величайшие победы на море.

Русское государство, завоевав побережье Балтийского моря, естественным образом оказалось перед необходимостью строительства боевого флота. Из первопрестольной столицы государства – из-за ее удаленности от театра военных действий, отсутствия дорог и оперативной связи – невозможно было обеспечить высококачественное управление насущными делами страны. Именно это обстоятельство и подсказало Государю решение перенести столицу на берега Невы.

Русь до этого не имела фундаментальной базы строительства военных кораблей для открытого моря, да и сами люди не были еще психологически готовы к фундаментальным преобразованиям. Петр I прекрасно осознавал, что без образования и науки ему не создать флота и армии для решения внешнеполитических задач по вхождению России в число развитых европейских держав. Необходимо было учиться строить военный флот, готовить кадры военных моряков и заново создавать принципиально новое государственное управление, не имеющего аналогов в Европе.

Но как это сделать? – эта проблема и обозначила указанную триаду дат. Таким образом, становление и развитие системы флота в России Петр I рассматривал в зависимости от государственной политики. Сама же история становления российской государственности и строительства военного флота, как составляющей внешней и внутренней политики в России, при Петре I и после него начиналось с определения целей внешней политики и задач морским силам в осуществлении этой политики. Эти цели и задачи подразумевали основу для разработки проектов по военно-морскому строительству, образованию, развитию, комплектованию личным составом, базированию и снабжению военного флота.

Имперская политика в области военно-морского строительства, образования и иных компонентов военного флота формировалась и реализовывалась в основном через Высочайшие указы, а также приказы и распоряжения по морскому Адмиралтейству. Так что Петра I следует назвать основателем систематического военно-морского образования и системного строительства военного флота в России.

В 90-х годах XVII века у великого Государя родилась идея создания первого в России государственного образовательного учреждения для подготовки высококвалифицированных морских офицеров; тогда как в морских странах той эпохи существовала частная практика их профессиональной подготовки на кораблях и судах.

Посетив Голландию и Англию в 1697–1698 гг. Петр I окончательно убедился в верности своих идей на благо будущего величия флота России. Между прочим, Государь, не получивший в детстве и юности морского образования, говаривал: «Я желал бы охотнее не иметь у руки одного пальца, недели того, что в молодости меня не учили».

14 января 1701 г. (по ст. стилю) Петр I подписал Высочайший указ об основании Школы математических и навигацких наук. К этому времени в стране уже действовала Славяно-греко-латинская академия, открытая в 1687 г.; которая готовила образованных специалистов для государственной и церковной деятельности в России. В академии преподавались классические для того времени дисциплины: славянский, греческий и латинские языки; Богословие; «семь свободных искусств», в которые входит два цикла: первый – грамматику, риторику, диалектику (или тривиум – трехпутие) и второй – арифметику, геометрию, астрономию, музыку (квадривиум – четырехпутие). Если пояснить это современным языком, то обучение осуществлялось на 5 факультетах: грамматики, пиитики, риторики, философии и богословия. Это важнейшее учебное заведение сыграло исключительную роль в становлении русского образования в конце XVII – начала XVIII в.в. Академию закончили известные всему миру личности Михайло Васильевич Ломоносов, князь Василий Васильевич Лыков, В. К. Тредиаковский, А. Д. Кантемир, но это она охватывала только гуманитарную сферу наук, прикладные же профессиональные науки в ее стенах не изучались.

Однако к началу XVIII века Россия имела и первый отечественный опыт подготовки армейских офицеров в Инженерной школе, открытой в 1697 г., опыт которой Петр I, как и опыт академии, учитывал при создании Навигацкой школы. Эта школа была учреждена в интересах подготовки национальных кадров с целью комплектования создаваемого военного флота, защиты Отечества от угрозы вторжения с моря, избавления от иностранной зависимости в областях образования и науки во славу процветания страны. Школа готовила и выпускала после изучения грамоты, письма, арифметики, и морского дела моряков, инженеров, артиллеристов, геодезистов, гидрографов, топографов, архитекторов, гражданских чиновников, учителей для других школ, писарей, мастеровых и других специалистов.

Не будет большим преувеличением сказать, что военно-морское образование дало начало организации профессионального – как светского, так и морского – образования в России. Исключительная заслуга Навигацкой школы состоит в том, что она положила начало развитию математической мысли в России. Так, учебник Л. Ф. Магницкого по арифметике служил получению русскими знаний в этой области до XX века! – что свидетельствует об уникальности изложения материала.

Светское и военное образование не мыслимо без научной и технической литературы, оттого Государь Петр I разрешил иностранцам открыть в России книжную торговлю. В стране начали издаваться и распространяться карты различных стран и всех частей света, таблицы логарифмов, склонений солнца, рефракции, параллаксов светил, локсодромий; появилась математическая литература; книги по космографии, географии, магнетизму, компасному делу, исправлению румбов, навигаций и морским течениям. Были созданы библиотеки научной и технической литературы.

В деятельности Навигацкой школы Петр Великий видел плоды преобразования России и создания одной из составляющих государственного управления – строительства военного флота. Он давал понять, что для его России чрезвычайно важное значение имеют нравственные основы будущих руководителей флота и государства. С целью нравственного воспитания и умственного образования Государь пригласил из-за границы труппу актеров, которые разыгрывали сцены, воспевающие благородство, честь, достоинство, верность долгу, Государю и Отечеству, и изобличающие людские пороки. Впрочем, нравственные основы всего русского общества искренне волновали всех последующих самодержцев; к примеру, Жуковский, наставник Наследника Престола Александра II называл историю *«сокровищницей царского просвещения»*, а уча августейшего ученика *«правилам деятельности Царской»* говорил: *«Люби и распространяй просвещение; оно – сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной только власти...»*.

По приказу Петра I дважды в день по полудни и при закате солнца на главном корпусе Навигацкой школы – Сухаревой башне звучала музыка (так закладывались традиции; отсюда позже – во время подъема и спуска флага на кораблях матрос-горнист играл «зорьку»). Чтобы подчеркнуть важность воспитания и образования будущих морских офицеров Государь находил время для посещения спектаклей и бесед с учениками. Важным элементом государственной политики Петр Великий считал личное участие в организации образовательного процесса, личный отбор кандидатов в Навигацкую школу и назначение ее выпускников на корабли флота.

Но опыт обучения в этой школе, как и опыт службы офицеров на кораблях показал и существенные пробелы в их профессиональном образовании. Прежде всего ученики не имели единой формы одежды, жили они по домам, т. к. не было казарм, что создавало определенные трудности. Если дети разночинцев принимались в начальный класс, то дети дворян, ввиду домашнего образования, как правило, зачислялись в старшие классы. Все ученики, вне зависимости от их будущего предназначения, обучались по общим программам; при этом ежегодных общих выпусков из школы не производилось, не было и учебной практики на кораблях. Повелось так, что открывавшиеся вакансии на кораблях замещались наиболее подготовленными выпускниками.

С закладкой на Заячьем острове крепости Санкт-Петербурх 16 мая 1703 г. и Адмиралтейской верфи 5 ноября 1704 г. начал формирование облик северной столицы империи, как центра кораблестроения, центра боевого флота и военно-морского образования. Петру Великому потребовалось девять лет на то, чтобы в тяжелейших условиях войны, в сущности на линию фронта (!) перенести столицу Русского государства из первопрестольной Москвы в Санкт-Петербург. Национальные интересы государства настоятельно требовали решать триединую задачу в едином центре: строить флот, готовить кадры морских офицеров и формировать государственную политику России на века.

Уже к 1715 г. военный флот России одержал ряд морских баталий и вырвался на оперативный простор Балтийского моря. Опыт использования флота в боях потребовал необходимости совершенствования военно-морского образования. И тогда 1 октября 1715 г. указом Петра I в северной столице открывается новое военно-морское образовательное учреждение – Морская академия, или Академия морской гвардии. А Навигацкая школа осталась в Москве и решала задачу подготовки воспитанников для поступления в Морскую академию.

В 1715 г. Петр I начал работу по созданию «Русского свода морских военных законов». Этому предшествовали «Указ по галерам» (1696 г.), «Статьи Крюйса» (1698 г.), «Инструкции и артикулы военные Российскому флоту» (1710 г.), явившиеся первыми официальными документами, регламентирующими принципы кораблевождения, ведения морского боя с учетом мирового и отечественного опыта применения флотов.

После пятилетней работы Императора и его сподвижников был введен в действие *«Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. Напечатался повелением Царского Величества в С-П-кой типографии лета Господня 1720, апреля в 13 день»*. В предисловии к Уставу отмечается величайшая заслуга Петра I в том, что он осуществил многовековое стремление русского народа выйти к Балтийскому морю, иметь свой военный и торговый флоты, чтобы обезопасить страну от вражеского вторжения с моря и чтобы вести внешнюю торговлю собственными судами. Устав являлся итоговым документом, в котором нашла отражение политика Императора в области национальных интересов, военно-морского строительства, науки и образования. Устав дает представление о практической подготовке должностных лиц флота от генерал-адмирала до матроса в условиях мирного и военного времени. В нем же зафиксировано, что генерал-адмирал, как и прочие адмиралы и офицеры, должны тщательно и ревностно охранять интересы своего Государя и государства, где бы они ни находились с кораблем в мирное и военное время. Уставом определены качества и характеристики, которыми должны обладать командиры: быть храбрыми, справедливыми, высоконравственными и своей безупречной службой показывать пример для подчиненных. Устав особо строго требовал от высших офицеров (адмиралов) соблюдения нравственных заповедей: *«корень всему злу есть сребролюбие... ибо многие интересы государственные бывают потерянные через это зло. Такой командир немного лучше изменника Родины»*.

...То, что узнавал Н. Г. Кузнецов из полученных тайно бумаг, наполняло его служение новым смыслом; и нарушение русских флотских истин станет его личной трагедией...

Глава 6

Контр-адмирал Беренс передал Кузнецову документы, касающиеся практически каждой эпохи русских императоров, начиная с Петра Великого, о становлении государственности и флота российского. Не из учебы в военно-морском училище и ВМА узнал Николай Герасимович разные любопытные и значимые подробности; например, что Петр I привлек к преподавательской деятельности в Морской академии выдающихся ученых Европы – Г. В. Лейбница, Х. Вольфа и, высоко оценив их научную и организаторскую деятельность, предложил им заняться созданием науки в империи. А Лейбница удостоил чина тайного юстиц-советника с назначением пожизненной пенсии. И не даром; именно эти ученые вводили понятие *наука* в истории Русского государства впервые! А т. к. Петр I начал строительство государства с укрепления оборонного могущества империи, то и отечественная наука прежде всего имела отношение к проблемам войны и мира. Понятное дело: флот на гуманитарных науках не построишь...

В результате за время петровского правления Россия вошла в число ведущих морских держав мира. Особую роль здесь играл Русский военно-морской флот; в состав которого входили линейные корабли, фрегаты, бомбардирские и гребные корабли, вспомогательные суда. В первой четверти XVIII века Петр I решил триединую задачу: подготовил кадры для строительства и использования флота, создал систему военно-морского образования и построил систему базирования Русского флота. За время его правления Россия построила три флота: Балтийский, Азовский и Каспийский.

Балтийский флот базировался в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Выборге, Гельсингфорсе, Або и на Аландских островах. В его составе к 1725 г. было линейных кораблей – 34, фрегатов – 9, шняв – 6, бомбардирских судов – 2, прам – 2, мелких парусных и гребных судов – 91.

Азовский флот базировался в Воронеже, Азове и Таганроге. Он имел 219 парусных и гребных судов (линкоры, шнявы, бомбардирские и малые парусные суда).

База *Каспийского флота* находилась в Астрахани. И общий состав флота составлял – 47 парусных кораблей и 38 гребных судов.

Даже исходя из «Устава морского», можно заметить, каких специалистов необходимо было готовить для комплектования кораблей и строительства баз, а также для управления флотом. Подготовка командиров кораблей и старших офицеров, не имевших специального образования, осуществлялась в процессе службы в боях и походах. Артиллеристы, штурманы, геодезисты, океанографы и фортификаторы получали морское образование по единой программе. На руководящие посты выдвигались наиболее способные офицеры Русского флота, а также иностранцы, находившиеся на русской службе.

Петр I сформулировал принципы, которые он положил в основу государственной политики в сфере военно-морского образования в эпоху парусного флота: 1. создание государственных военно-морских образовательных учреждений; 2. отбор на обучение лучших представителей дворян, выходцев из разных чинов, а также крестьян и работных людей; 3. осуществление системного общенаучного образования будущих морских офицеров; 4. использование передового отечественного и мирового опыта; 5. формирование русского корпуса военных преподавателей; 6. сочетание теоретического обучения с реальной практикой на кораблях; 7. приглашение для преподавания лучших отечественных и зарубежных ученых; 8. комплектование будущего корпуса морских офицеров в соответствии с государственными интересами, воспитание нравственности и патриотизма, чести и личного достоинства офицера и гуманного отношения к подчиненным, т. е. унтер-офицерам и матросам.

Созданная Петром Великим система подготовки морских офицеров позволила к 1725 г. укомплектовать низшие командные должности русскими офицерами, но в руководстве флотом, за отсутствием своего кадрового состава, было немало офицеров из Европы (шведы, голландцы, англичане, датчане, французы и др.). На уровне командования линейными кораблями соотношение русских офицеров и иностранных было 1:2,5. Это соотношение говорит о сложном и длительном процессе формирования отечественного командного состава флота.

Таблица соотношения русских и иностранных офицеров Балтийского флота к 1725 г. выглядит так:

Воинский чин	русск.	инозем.	всего	на ведущих должностях
Генерал-адмирал	1	—	1	граф Ф. М. Апраксин — президент Адмиралтейс-Коллегии, русский
Адмирал	1	1	2	Адмирал Петр Михайлович Романов, Император Петр Великий, русский
Вице-адмирал	1	4	5	Светлейший князь герцог Ижорский А. Д. Меншиков, русский и Корнелий Крюйс, вице-президент, датчанин
Шаутбенахт (контр-адмирал)	1	3	4	Н. Сенявин, русский
Капитан-командор	2	3	5	Ерофей Васильевич Буйносов и князь В. В. Лыков, русские
Капитан 1-го ранга	2	5	7	
Капитан 2-го ранга	2	7	9	
Капитан 3-го ранга	7	5	12	
Капитан-лейтенант	12	17	29	
Лейтенант	32	26	58	
Секретарь лейтенантского ранга	—	2	2	
Секретарь-лейт. 1-го ранга	24	—	24	
Секретарь-лейт. 2-го ранга	12	—	12	
Унтер-лейтенант	72	2	74	

Итого: русских 160, иноземцев 75, всего 244.

Но прежде – некоторые нюансы по этой таблице.

В историю А. Д. Меншиков вошел как русский по национальности, но в действительности полуеврей, его отец – из польских евреев, мать – из Лифляндии, литвинка.

Шаутбенахт (контр-адмирал) Наум Сенявин в действительности имел имя Николай, но Петр I за изощренность его ума говорил, что Сенявин сам себе на уме, как еврей, и, выпив

несколько чарок, обзывал его по аналогии Наумом; отсюда и пошло... а евреи впоследствии приписали его к иудеям (впрочем, подобные метаморфозы происходили *со многими*, чаще всего выдающимися личностями Русской Истории, которых евреи записывали к «своим» – одних для дискредитации, других для того, чтобы поднять соплеменников в глазах мирового сообщества).

Как выясняется из таблицы, русские офицерские кадры преобладали лишь на низших командных должностях. Так что становится ясным неукротимое стремление Петра I к воссозданию русской национальной системы военно-морского строительства и образования. К сожалению, не хватило жизни Императора для максимальной реализации его великой идеи. Пренебрежение ею в дальнейшем приводило Русский флот к тяжелым последствиям...

С кончиной Петра Великого, как свидетельствовали современники, *«отлетела душа флота»*.

После него поочередно правили Екатерина I (Екатерина Самуиловна Скавронская, отец Самуил, польский еврей, мать – литвинка; по воле международного еврейства Екатерина Скавронская и Александр Меншиков были внедрены в окружение русского царя Петра I. Алексашка торговал не пирожками, как часто указывают, а был пристроен иноверцами в царские конюшни, где несложно было привлечь к себе внимание угодничеством. А тем временем инородцы отправили Екатерину в роту охраны генерал-фельдмаршала Шереметьева в качестве проститутки, где ее и увидел русский командующий и приказал обстирывать его; словно невзначай это заметил уже не конюх, а царский денщик Алексашка, который забрал Екатерину к себе и подsunул ее Петру I. – Но это уже совсем иная книга, однако краткая информация послужит подтверждением многих приведенных здесь далее фактов и рассуждений...); Петр II; Анна Иоанновна; Иоанн VI, – которые за время своего царствования больше заботились о личном благополучии, борьбе за власть, чем продолжением политики *Отца Империи*. Спад военно-морской мощи и уровня морского образования были очевидными.

Возрождение петровского флота можно связать лишь с царствованием дочери Петра Великого Елизаветы Петровны (годы правления 1741–1761). Императрица постановила: *«Все состоявшиеся при батюшке Петре Великом указы и регламенты наикрепчайшее содержать и по ним неотложно поступать»*.

В 1752 г. своим указом Императрица преобразовала Академию морской гвардии и Навигацкую школу в Морской шляхетский кадетский корпус, в котором стали обучать воспитанников академий, а также дворян, обучавшихся в Навигацкой школе и в гардемаринской роте. Корпус возглавил капитан 1-го ранга А. И. Нагаев, попечителем которого был назначен Императрицей возвращенный из ссылки престарелый князь В. В. Лыков. Офицерами и воспитателями были назначены высокопрофессиональные морские офицеры: Харитон Лаптев, Григорий Спиридов, Иван Голенищев-Кутузов-средний. Командованию Корпусом удалось создать нравственную и учебную атмосферу, пронизанную духом и идеями Петра I, позволившую в дальнейшем его питомцам покрыть славой свое Отечество через новые подвиги флота российского в победах на Балтике, Средиземном и Черном морях.

...Годы правления Петра III (1761–1762), можно сказать, никак не отразились на флоте.

Период эпохи царствования Императрицы Екатерины II (1762–1796) роль военного флота в отстаивании национальных интересов и обеспечении национальной безопасности резко возросла. *«Подобно флоту Петра, флоту, которому с первых дней создания были поставлены совершенно определенные национальные задачи, флот Екатерины II с момента своего возникновения мог уже называться национальным, т. к. задачи, ему поставленные, исходили из вполне определенной политической программы»*, – признавали составители «Истории русской армии и флота», (т. 8.: Образование, 1913. С. 37–38.)

Наставникам по подготовке офицеров флота и сына Екатерины II Великого Князя Павла I был назначен капитан 2-го ранга *Иван Логинович Голенищев-Кутузов (1729–1802)*, работавший директором Корпуса. Иван Логинович родом из новгородских дворян, определенных Петром I к морской службе. Он возглавлял Морской корпус в течение 40 лет! И начальствовал скорее по духу, нежели по должности, в совершенстве владея морскими науками; слыл очень образованным человеком, владел немецким и французским языками, был признанным авторитетом и знатоком русской словесности и литературы, истории изящных искусств; был хорошо известен как интеллектуал в столичных кругах ученых, литераторов и художников, которые не только были частыми гостями Корпуса, но и активно привлекались им к педагогической деятельности. Держава, имевшая *таких* преподавателей, растила достойных сынов...

Авторитет И. Голенищева-Кутузова как талантливого педагога и высокопрофессионального моряка был настолько велик, что по предложению Императрицы он стал воспитателем и первым учителем будущего Императора Павла I, который вскоре, с самых юных лет, будет назначен Государыней генерал-адмиралом Русского флота. Дальновидная и ясная политика Екатерины II по возрождению на флоте петровского духа, подготовки офицеров корпуса и матросов, применению морских сил, позволила решить историческую задачу по обеспечению безопасности России на южном направлении.

Екатерина II, во исполнение завета Петра Великого, присоединила к Империи Крым, завоевала господство в Черном море и обеспечила выход в Средиземное море.

Действия Русского флота в Средиземном море – под главным командованием графа *Алексея Григорьевича Орлова* (графа Чесменского), державшего свой кайзер-флаг на «Трех Иерархах» и его советника по морским вопросам контр-адмирала *Сэмюэля Карловича Грейга* (выходец из шотландцев; чаще встречается написание Самуил Карлович Грейг, однако еще современники великого адмирала указывали, что он не терпел, когда его называли на еврейский лад Самуилом!) – показали, насколько важны руководителям флота знание целей и задач внешней политики страны по отношению к каждому народу и государству, к региону в целом, учитывая при этом характер и нравы народов, интересы соперничающих стран... Все это имело непосредственное отношение к искусству дипломатии. Помимо этого, действие Русского флота в заграничных походах показало важность изучения всеми морскими офицерами иностранных языков. К чести наших предков, военно-морское образования формировалось в неразрывной связи с действиями военного флота. Отчего в конце XVIII и начале XIX веков авторитет русского офицера флота был очень высок, и это подтверждают исторические победы на просторах океанов.

В наследство Императору Павлу I (правил с 1796 по 1801 гг.) достался профессионально подготовленный флот, руководящие посты в котором занимали русские национальные кадры. В течение предшествовавших 34 лет он как генерал-адмирал находился во главе флота Российского. С восшествием на престол Павел I поручил Особому комитету по разработке политики флота разработать организационно-штатную структуру флотов на Балтийском и Черном морях, их финансирование, управление, совершенствование судостроения, базирования и подготовки офицерских кадров.

Блестящим образцом деятельности по защите интересов России в бассейне Средиземного моря в период царствования Павла I проявил себя командующий эскадрой адмирал *Федор Федорович Ушаков*. В результате его флотоводческого искусства в 1798 г. было создано новое государство на Средиземном море – Республика Семи островов. Он – флотоводец, дипломат, государственный деятель – в условиях открытого и скрытого противодействия государств Англии, Франции и Турции разработал основные акты республики (Конституцию, присягу для депутатов и др.) с учетом национальных особенностей народов новой страны. Ф. Ф. Ушаков, будучи искренним приверженцем монархии, выступал в этом случае

в роли... республиканца; следует отметить, что адмирал осуществлял выбор этой формы государственного устройства, исходя из военно-стратегической и политической обстановки в этом регионе Европы в целом.

Как флотоводец, Ушаков является творцом маневренной тактики Русского флота, которая отличалась высокой активностью, наступательностью, стремлением нанести особенно мощные удары по флагманским кораблям противника, охватом и прорезанием строя кораблей и применением артиллерии с предельно короткой дистанции. Он уделял особое внимание подготовки командиров кораблей и их экипажей, сплыванности в составе эскадры. Именно Ушаков, с согласия Императора, ввел ряд нововведений, которые стали основой Русского флота, а именно: ввел тактическую единицу эскадры, состоящую из четырех линкоров и одного корабля резерва, были введены три новые должности: историограф, профессор навигации и астрономии (главный штурман флота), рисовальный мастер (с чего началось изображение прибрежной полосы морей и океанов, необходимых для составления навигационных руководств-лоций для обеспечения кораблевождения).

С целью централизации управления системы базирования кораблей флота, с подачи адмирала Ушакова Павел I учредил должность командира порта с особым органом управления. Также Император поддержал идею создания (1799 г.) особой Охотской флотилии для поддержки русского дела на океанской окраине и для содействия разным экспедициям. Эта идея особенно актуальна в связи с тем, что Охотское море с его биологическими ресурсами оказалось открытым для хищнического разграбления судами любых государств мира.

За прошедшее после Петра I столетие обрисовались тенденции развития системы флота. Что особенно ярко отразилось в царствование последователей Петра Великого – Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I.

Глава 7

У большинства историков в XX веке как в Европе, так и на бывшей территории Российской Империи, ставшей СССР, сложилось чаще негативное, чем позитивное отношение к русским императорам, начиная с Александра I. А в части, касающейся развития Русского флота, у исследователей очевидно разночтение; так, например, одни утверждают, что Александр I вообще не занимался делами флота, а перепоручил это дело Особенному комитету по выработке предложений по реформе флота, который возглавил граф А. В. Воронцов. Этого аристократа историки отнесли к «убежденным сторонникам континентального мышления и противника сильного флота России». Хотелось бы верить, что всякий, кто серьезно занимается историей флота эпохи Александра I, не может не понять, откуда подобные веяния возникали тогда и приобрели конкретику в XX ст.

Государь Император был занят не так флотом, как делами международными, затем войной 1812 года и послевоенным мироустройством в Европе. Обозначу лишь штрихом, что война 1812 г. спровоцирована не столько французами и другими государствами Европы, сколь была организована силами, находящимися вне Европы, которые толкнули Наполеона к агрессии против Русского государства. И это был лишь один удар из серии трагических ударов, направленных на сокрушение Российской Империи, уничтожение ее государственности, нравственных и духовных ценностей и, конечно, на захват собственности и богатств... что и произошло в начале XX века...

Итак, флот при Александре I оказался менее всего задействован в войне, настолько, что даже контр-адмирал А. С. Грейг был назначен заместителем командующего Дунайской армии; на самом деле за этим «даже...» скрывается гораздо большее, ведь на место заместителя командующего армейским объединением не был назначен пехотный генерал.

Выдающиеся способности *Алексея Сэмюэлевича Грейга* заметил еще во время царствования Павла I контр-адмирал П. В. Чичагов, будущий министр Морских сил России. В 1801 г. А. С. Грейг был назначен председателем Комиссии для исправления Кронштадтского порта, а за деяния на этом поприще был удостоен благодарности Государя. Александр I ввел в Комитет капитан-командора Грейга, причем единственного из членов, не имевшего адмиральского чина. Но тот недолго оставался во дворцах столицы. На континенте разгорался пожар новой войны, Наполеон Бонапарт покорял европейские страны и угрожал интересам России на Средиземном море. Россия, вступая в войну с Францией, в 1804 г. отправила эскадру из четырех судов к острову Корфу. Командовать эскадрой был назначен А. С. Грейг, он объединил под своим флагом все русские корабли на Ионических островах и крейсировал в районе этих островов, которые со времен экспедиции Ф. Ф. Ушакова находились под протекторатом России. Подобный ход обеспечил заключение союза России с Англией против Франции 30 марта 1805 г.; вскоре к союзу присоединились Королевства обеих Сицилий и Швеция, затем Австрия. Возникла третья антифранцузская коалиция с целью вытеснить армию Наполеона из захваченных стран Европы и восстановить во Франции королевское правление.

Вместе с британской эскадрой 7–8 ноября 1805 г. Грейг высадил десант в Неаполе, но под давлением превосходящих сил французов после непродолжительного его захвата вынужден был десант снять. По возвращении на Корфу он поступил под командование вице-адмирала *Дмитрия Николаевича Сенявина*, прибывшего с новыми силами из России. 27 декабря 1805 г. А. С. Грейга Высочайше произвели в контр-адмиралы.

В 1806 г. с целью поддержки Наполеона выступила Турция, объявившая войну России. Вступили в боевые действия и русские силы на Средиземном море. Сенявин отправился с

флотом к устью Дарданелл, поручив Грейгу взять Тенедос, остров у входа в пролив. 8 марта 1807 г. лично возглавив атаку, контр-адмирал овладел островом, на котором заложил базу Русского флота. Турецкий флот вышел из Дарданелл, чтобы вернуть Тенедос и ликвидировать блокаду, нарушавшую снабжение Константинополя продовольствием. 10 мая произошло сражение между турецким флотом и кораблями контр-адмирала Грейга; после жаркого боя турецкие корабли ушли под прикрытие береговых батарей. А 11 мая Грейгом был получен приказ атаковать противника, после чего русский адмирал загнал три турецких корабля на мель, а затем высадил десант и овладел Лемносом. 19 июня 1807 г. турецкая эскадра вновь встретилась с русской эскадрой, но потерпела поражение. Оставшиеся корабли выбросились на мель и турки их сожгли, высадив перед тем экипажи на берег.

Этот эпизод лишь на первый взгляд кажется незначительным в истории Русского флота. Но именно адмиралы Д. Н. Сенявин и А. С. Грейг заложили условия для успешного завершения дипломатических переговоров, и тем самым обеспечили прочность Русского престола на Средиземном море через заключение 25 июня (7 июля) 1807 г. Тильзитского мира, установившего тесные связи Александра I с Наполеоном.

После этих событий Алексея Сэмюэлевича отозвали в Россию, где он был награжден орденом Св. Анны 1-й ст. Однако из-за союза с Наполеоном Россия оказалась в состоянии войны с Великобританией. Выходцев с британского флота, в том числе и шотландца по происхождению А. С. Грейга, хоть и родившегося в Кронштадте, выслали для прохождения службы подальше от северной столицы – в Москву. Хотя из нашего времени это звучит наивно...

Любопытно будет привести здесь короткий отрывок из анонимной записки, посланной Наполеону в Испанию 9 декабря 1808 г. (на франц. языке) под названием «*Сжатое изложение общего положения дел в Европе в конце 1808 г.*»; высказывается предположение, что она была написана чиновником французского министерства иностранных дел. Автор записки утверждает: «*Союз Англии и России с каждым днем становится все менее тесным. Царь Александр, верный союзник Его Императорского Величества Наполеона, все время проявляет самые великодушные и благородные намерения относительно всеобщего мира и свободы морей, но кабинет этого монарха, по-видимому, получает инструкции из Лондона... В результате российский монарх подвергается большим опасностям. Он может в определенный момент стать жертвой благих намерений, если английское министерство сочтет необходимым произвести в Санкт-Петербурге кровавую революцию (выделено мной. – Авт.), подобную тем, какие не раз происходили в России за последние полвека. Самые влиятельные члены правящего Сената, дворянства, торговых палат связаны с Англией... Франко-русский союз – фальшивый, противоестественный союз, противоречащий прямым интересам тюльрийского кабинета, ибо французское влияние в Швеции, Дании, Польше и Турции имеет и будет всегда иметь первостепенное значение для тюльрийского кабинета; однако это влияние ослаблено и находится на грани полного уничтожения в связи с тем, что Россия приобретает все большую власть над Севером и Востоком Европы.*» Автор предупреждает своего патрона, что Россия становится столь могущественной, что ей отдается право быть вершителем судеб континента. («Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел». Серия I, т. IV, М., 1965, с. 686–687) Добавлю только, что *самые великодушные и благородные намерения относительно всеобщего мира* проявлял впоследствии и Император Николай II... однако понадобится еще немногим более 100 лет, чтобы английская *Группа* и американский *Орден* добились своей гнусной цели: разрушения Российской Империи и Российской государственности, как одного из самых уникальных мироустройств на планете; *вершителями судеб* хотели стать другие (но разговор об этом пойдет ниже)...

До начала вторжения армии Наполеона в Россию Грейг занимался наукой; а уже в 1812 г. контр-адмирал выполнял дипломатическую миссию по поручению Министерства иностранных дел Империи. Вот цитата из письма посланника в Константинополе А. Я. Итальянского главнокомандующему Дунайской армией П. В. Чичагову от 5 (17) июля 1812 г.: «Г-н адмирал, английский посол г-н Листон прибыл в Константинополь 16 (28) июня... Уже то, что сказал мне г-н Листон в Силиври, уменьшило у меня имевшуюся надежду на открытую поддержку с его стороны, а его последнее послание, так же как и беседа г-на Грейга с этим послом, о которой этот адмирал не преминет сообщать вашему превосходительству, позволили мне составить еще более ясное представление о том, чего мне следует ожидать от него...». Это письмо на французском языке (оригинал) и на русском (перевод) приводится в книге «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел», серия I, т. VI, М., 1962, с. 479–484. Там же говорится, что контр-адмирал А. С. Грейг был послан в Сицилию с целью выяснить у командующего английскими военно-морскими силами на Средиземном море адмирала Бентика, сможет ли Англия оказать России поддержку в проведении предполагаемой русской операции в Далмации и если сможет, то какими силами. Приведена ссылка: о миссии Грейга в Сицилию см. его письма графу С. Р. Воронцову, опубл. Арх. Воронцова, кн. XIX, с. 450–464. А, к примеру, в декабре 1812 г. через контр-адмирала Грейга, спешащего в С.-Петербург с секретными сообщениями, посол в Лондоне граф Х. А. Ливен отправляет министру иностранных дел Н. П. Румянцову депешу, где речь идет о международных делах, в частности, о привлечении наследного принца Швеции к прямому участию в борьбе на континенте.

Суть дипломатии Алексея Сэмюэлевича заключалась в том, что он, непосредственный участник недавних экспедиционных походов в Средиземном море, хорошо представлял себе складывающуюся там ситуацию. Он осуществил ряд миссий (которые можно назвать и дипломатическими и разведывательными) в Константинополь, на Мальту и Сицилию, и после переговоров пришел к выводу, что ожидать каких-либо нежелательных ходов со стороны средиземноморских стран в ближайшее время не следует. Практика будущего это подтвердила.

2 марта 1816 г. вице-адмирала А. С. Грейга назначили главным командиром Черноморского флота и портов, а также военным губернатором Николаева и Севастополя.

Это был тот период, когда флот Черного моря, созданный Екатериной II по завету Петра Великого, действительно стал форпостом на юге и центром международного сотрудничества Российской Империи с причерноморскими государствами – средоточием христианских и мусульманских культур.

Именно благодаря Грейгу были созданы Черноморское адмиралтейство (впоследствии, после смерти адмирала в 1845 г., по повелению Императора Николая I стало называться «Черноморское адмиралтейство имени адмирала Грейга», сие название просуществовало до 1917 года!), Артиллерийское управление, усовершенствована работа Депо карт, из Санкт-Петербурга в Николаев был переведен архив флота. А в 1826 г. этот флотоводец впервые в практике России создал штаб флота для организации боевой подготовки и разработки планов действия в военное время; первым начальником штаба был назначен контр-адмирал В. И. Мелихов. Опираясь на созданный штаб и подготовленных помощников, адмирал за несколько лет преобразовал все отрасли флота, которые стали служить основой для совершенствования других флотских объединений, в том числе и Балтийского флота.

Опыт *таких* людей, направивших свой талант, силы, опыт и знания на дело служения Отчизне, возвеличивавших любимое детище своей души – флот – учитывался потомками, достойными своих великих предков... учитывался вплоть до 1917 года... а в изменившейся сущности страны и в среде людей, преступно одурманенных идеологией, исчезла и бывшая слава флота... растворилась в море крови как в 1917 г., так и в 1941–1945 гг.

Среди заслуг Грейга и то, что при нем заложена база судостроения в Николаеве; к 1832 г. там сооружены пять верфей, где было одиннадцать эллингов, из которых девять построены при личном участии Алексея Сэмюэлевича. На верфях была введена механизация: паровая машина приводила в действие ножницы, прессы и другое оборудование. Для успешного развития дела созданы паровая лесопилка, в мастерских вместо дров использовали уголь с юга Малороссии.

Особое внимание уделялось развитию социальной и промышленной базе Херсона; с привлечением средств помещика А. Перовского было заложено Спасское адмиралтейство, на котором с 1828 г. началось строительство кораблей для Черноморского флота, в том числе линкоров и фрегатов. В городе основали литейный завод для нужд флота, а на Херсонском канатном заводе применили паровую машину. Еще с 1818 г. Грейг убедил Комитет по флоту о выделении ассигнований на строительство в Севастополе сухих доков для ремонта кораблей, чтобы избежать килевания. Завершено строительство доков было уже при новом главном командире генерал-адъютанте Его Императорского Величества адмирале *Михаиле Петровиче Лазареве*, бывшим при А. С. Грейге начальником штаба флота. И получили они наименование Лазаревского адмиралтейства, хотя вряд ли это справедливо. Ведь позже при нем было построено адмиралтейство в Измаиле, которое, пожалуй, и заслуживает светлое имя М. П. Лазарева...

При адмирале Грейге на Черноморском флоте были построены 5 пароходов и куплено 2, а сам адмирал, будучи разносторонним и талантливым инженером, сконструировал проект канонерских лодок для Дунайской флотилии. По мере совершенствования верфей появилась возможность строить линейные корабли и фрегаты, причем, по замыслу Алексея Сэмюэлевича – с усиленной артиллерией и высокого качества. Между прочим, артиллерийские орудия и боеприпасы изготовлялись на заводах под Москвой, в Карелии, в районах Брянска, Пензы, Тамбова, Липецка и в других местах, и в первую очередь, на Урале. Урал стал основным центром металлургической и металлообрабатывающей промышленности России еще во второй половине XVIII века. Этот, как говаривали специалисты, *«грандиозный по тогдашним, уже не русским только, а и мировым масштабам промышленный район»*, снабжал армию и флот артиллерийскими орудиями, бомбами, ядрами, гранатами и прочими боеприпасами. А русский металл, на котором стояла марка «Старый соболь», по качеству был лучшим в мире! Из разных ли мест страны или из одного конкретного привозилось на ЧФ различное артиллерийское снаряжение, – не знамо, одно могу сказать: отменное качество продукции было несомненным.

По понятным причинам адмирал Грейг обращал серьезное внимание на главное оружие кораблей, на *щит флота* – артиллерию. Он заказывал лучшие орудия на Олонецком заводе; он приказал хранить порох в латунных бочках вместо деревянных; установил новую пробу пороха; спроектировал станки для карронад, единорогов и орудий гребных судов. На 1/3 для экономии и сохранения стволов были уменьшены учебные заряды, фитильные запальники заменены замками, введена лучшая отделка ядер и бомб для точности и безопасности стрельбы.

Грейг упрочил крепление пушек на корабле по-походному, заменил тростниковые запальные трубки более безопасными – перьевыми. А в 1830 г. по чертежам адмирала А. С. Грейга начали изготавливать удлиненные пушки для 100-пушечных кораблей для всех флотов России!

Отказавшись от французских проектов кораблей с малой прочностью и остойчивостью, адмирал предпочел использовать более совершенные английские образцы. Использовался созданный Ф. Чапманном и развитый К. Кнорре и самим А. Грейгом «параболический» метод проектирования; на основе этого метода были построены многие черноморские суда.

Люди, достойные своей эпохи; люди, действовавшие во благо Государя и Государства, – не оттого ли мыслили они столь масштабно, столь дерзко, щедро проявляя таланты в разных областях человеческих знаний?

По проекту Грейга в Николаеве был построен первый на Черном море 120-пушечный корабль «Варшава»; затем первый в России 60-пушечный фрегат «Штандарт» (со временем это название будет принято в царственный кругах традиционным для своих яхт!), всего их построили семь. При недостатке средств на постройку больших кораблей такие фрегаты способны были заменить их в боевой линии и служить для крейсерской службы. К тому же их можно было строить быстрее, чем корабли (линкоры). И в этом была тоже новация Алексея Сэмюэлевича. Помимо прочего строили транспорты для перевозки войск. Адмирал Грейг предложил сооружать небольшие транспортные суда для условий Черного моря и прибрежного плавания (тылкшипы и бомшипы), в которых был острый недостаток.

В составе флота не было бомбардирских кораблей для осады крепостей. Под руководством Грейга в 1824 г. из транспорта был перестроен корабль «Опыт», затем переоборудовали еще три судна. Под руководством адмирала впервые в России была спроектирована уникальная морская паровая землечерпательная машина, которая очистила Ингульский и Очаковский фарватеры, что позволило отправлять корабли из Николаевского адмиралтейства с полным парусным вооружением своим ходом, так же как и возвращать обратно для ремонта. Тогда как до этого использовались приспособления, именуемые камели.

Несомненно, благодаря и организаторскому таланту адмирала, резко увеличилась численность боевых кораблей и вспомогательных судов. К примеру, Николаевское адмиралтейство построило их 125, не считая портовых, – что в шесть раз больше, чем за предшествующие 23 года существования адмиралтейства!

А. С. Грейг увеличил численность флота, при нем улучшилось и качество постройки вооружений и кораблей; он обоснованно считал, что установленный 15-летний срок службы практически ни одно судно не выдерживает, большинство ветшает после 6 лет, а после 10 лет становится просто непригодным. 26 ноября 1827 г. адмирал своим приказом ввел правило определения размеров деталей набора для судов различных рангов. Использование металлических книц, поперечных переборок и других усовершенствований позволило увеличить срок службы кораблей до тимберовки на 11–13 лет, а с тимберовкой – до 17 лет.

Еще в 1817 г. он ввел в практику систему набора по методу Р. Сепигса; используемые диагональные связи – ридерсы – сделали более прочный и устойчивый к воздействию волн и качки корпус. Среди иных новшеств и то, что обшивка стала осуществляться медными листами для защиты от размножившегося морского червя.

В 1818 г. Грейг распорядился заменить песчано-каменный балласт чугуном, что увеличило остойчивость судов и позволило установить на главной палубе более тяжелые 36-фунтовые орудия вместо 24-фунтовых. В 1821 г. был издан приказ об унификации орудий в палубах по наибольшему калибру и унификации размеров пушечных портов, что не только упростило снабжение боеприпасами в бою, но и способствовало взаимозаменяемости орудий и станков. Для повышения боеспособности подняли орудийные порты выше над водой, – это не считая мелких усовершенствований в чертеже и отдельных конструкциях корабля, осуществленных на практике адмиралом.

В годы командования Черноморским флотом Алексеем Сэмюэлевичем Грейгом в практику вошли якорные цепи вместо канатов, водоотливные помпы, иллюминаторы, сигнальные фонари, дневной (лично изобретен адмиралом!) и ночной телеграфы. Были усовершенствованы ноктоузы для лучшего освещения компасов; кирпичные камбузные печи заменены железными, слюдяные фонари – стеклянными; в каютах офицеров и в кубриках матросов вместо сальных свечей ввели фонари; усовершенствовали крюйт-камеры и

лазареты; использовали измерители дифферента, опреснительные установки, переговорные трубы и многое-многое другое.

В 1825 г. из 15 черноморских кораблей в строю находилось 10, тогда как на Балтике – всего 5, что конечно свидетельствует о невысоком качестве кораблестроения в эпоху Александра I. Но не будем судить Императора, ведь он был занят международными делами, имевшими куда как более важную полезность для России, нежели состояние флота.

К счастью, Русский флот не оскудел на флотоводцев и кораблестроителей, которые не ожидали подсказки *из центра* что и как делать, а находили приложение своим неисчерпаемым силам, отдавая таланты во благо и службы, и Отечества. То были времена, когда понятия «честь» и «русский» были нерасторжимы...

Говоря об этой незаурядной личности, хотелось бы добавить и такой нюанс: это по инициативе главного командира ЧФ и портов вице-адмирала А. С. Грейга построен величественный Севастопольский Морской Собор во имя Святого Равноапостольного Князя Владимира. Во время посещения Севастополя Государем Императором Александром I, адмирал подал докладную записку с предложением о сооружении сего храма; и вскоре были начаты его работы. Но Крымская война сорвала эти планы, отодвинула (как и одновременное строительство Морской библиотеки), и только в 1862 г. работы продолжились, а 5 октября 1888 г. в присутствии Великого князя Константина Николаевича, собор освятили. В нижнем помещении храма под крестообразным памятником из черного мрамора были погребены адмиралы Лазарев, Корнилов, Истомин, Нахимов. На кресте золотом написаны имена и даты смерти всех покоящихся в храме адмиралов, а в лавровом венке помещена надпись: «*Ника, то есть побейдай*». Сам же адмирал, к слову сказать, нашел свое упокоение на Смоленском лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге (Васильевский остров). Он спит рядом с женой Юлией, двумя дочерьми, сыном и невесткой – в семейном склепе, постепенно разрушающемся и от давности времени, и от беспамятства потомков...

Были причины, по которым советская эпоха стирала память о Грейге (так поступали не только с адмиралом), приписывая его заслуги иным людям, – тем, кому повелением красных вождей было дозволено войти в *эпоху коммунизма*... Причины эти будут слишком весомы, чтобы обойти их вниманием, так что вернемся к ним в другой главе. А что касается приписывания заслуг одних – другим или умалчивание о причастных к делам и событиям, так возьмем к примеру книжку А. Лурье и А. Маринина «Адмирал Бутаков», изданную Военным издательством Минобороны Союза ССР, М., 1954 г., где много лестных слов сказано о тех, кому советские идеологи разрешили остаться в истории, в том числе и об адмирале Лазареве. «За время своего командования флотом (1834–1851) он фактически заново создал флот... Впервые на Черноморском флоте появились 120-пушечные линейные корабли (что это заслуга его предшественника А. С. Грейга в книге умалчивается. – *Авт.*)... Строя Черноморский флот, Лазарев одновременно создавал для него в Севастополе главную базу. Он лично руководил разработкой проекта нового Адмиралтейства и сам возил проект в Петербург, где добился его утверждения» (все правда, но только если между предложениями сделать небольшую вставку: «...в Севастополе главную базу, спроектированную адмиралом А. С. Грейгом, т. е. завершив его проект. Лазарев лично руководил разработкой проекта нового Адмиралтейства в Измаиле...»). – *Авт.*) (ст. 15) Несведущий читатель просто пожмет плечами: а что тут такого?! Однако как мало надо для фальсификации! Впрочем, это так, отступление...

И, как бы это ни казалось на первый взгляд странным, практически все события и люди, о которых идет речь в книге, так или иначе связаны с судьбой Черноморского флота, с эпохой его становления, процветания и уничтожения; однако самое пристальное внимание будет посвящено трагическим месяцам жесточайшего противостояния ЧФ в 1941–1942 гг., – но без истории, без погружения в иные эпохи рассказа о драме 40-х годов быть *не может!*

Адмирал А. С. Грейг заложил (а не адмирал Лазарев) первую Морскую библиотеку на Черном море; он написал ее устав, составил чертежи основного здания и башни. И не вина адмирала в том, что не он ее построил. Но по праву инициатора и первого собирателя книг для библиотеки она должна бы носить его имя. Замечу, что книги адмирал приобретал на свое личное жалование командующего, так же как приобретал и инструментарий, к примеру, для Николаевской обсерватории; по отъезде в столицу, адмирал все оставил учащимся двух морских кадетских училищ. А Морская библиотека, деньги на строительство которой собрал Грейг, после была возведена, но сгорела во времена командования флотом адмиралом М. П. Лазаревым. Между прочим, тогдашние историки отмечали, что вышка Морской библиотеки была наиболее удобным наблюдательным пунктом в городе. Кстати, есть исторические свидетельства, что наезжая в Санкт-Петербургские салоны, Михаил Петрович любил прихвастнуть, приписав себе в заслугу осуществление (чаще – завершение) проектов своего прежнего начальника – Грейга, на что адмирал отвечал саркастической улыбкой: подобная мелочность была ему не характерна, однако и зла на Лазарева не держал, веря, что потомки воздадут по справедливости... Между прочим, хоть и нет сегодня той Морской библиотеки, но осталась чудесная башенка с ангелами, одиноко стоящая на теперешней ул. Советской в Севастополе, – уникальном городе, остающимся и по сей день неким «заповедником социализма»; хотелось бы верить, что это нерусское по сути наименование улицы будет заменено именем достойного предка...

Глава 8

Вступивший на престол Николай I создал в 1825 г. новый «Комитет образования флота» под председательством адмирала А. В. Моллера, в состав которого были введены вице-адмиралы А. Н. Пустошкин, Д. Н. Сенявин, А. С. Грейг, контр-адмиралы П. М. Рожнов, капитан-командоры Ф. Ф. Беллинсгаузен, И. Ф. Крузенштерн и М. И. Ратманов.

Существенно увеличилось число плаваний для перевозки войск и грузов в разные пункты побережья, что потребовало организации навигационного обеспечения безопасности. По инициативе Грейга были созданы достоверные карты и лоции Черного и Азовского морей, построены несколько маяков: створные Инкерманские в Севастополе, плавучий у Кинбурнской косы, в Одессе и Еникале, на Тендровской косе, Таклинский, на мысах Тарханкут и Ай-Тодор. В Бугском и Днепровско-Бугском лиманах по берегам были установлены навигационные знаки. Для оперативного управления флотов в 1819–1820 гг. были разработаны дневные (флажные) и ночные (т. е. фонарем) сигналы. Эти сигналы, разработанные на Черном море, были введены для всего флота России. Тогда же получила развитие система линий оптического телеграфа.

Понимая особую важность южного форпоста Империи и необходимость обороны главной базы флота – Севастополя – адмирал Грейг убедил Императора в необходимости выделить ассигнования на постройку в 1821–1827 гг. батарей (известных как Константиновский и Алексеевский равелины) с ядрокалильными печами на входных мысах Севастопольской бухты. Он же разработал план постройки оборонительных сооружений для защиты города с суши, но средства не были выделены, – что впоследствии, в 1854 г., трагически сказалось на обороне Севастополя.

Адмирал четко представлял себе, что не пройдет и двух – трех десятилетий, как южный форпост России и, в первую очередь, Севастополь будут подвержены первому жестокому испытанию на прочность; и насколько форпост выдержит это испытание, настолько можно будет судить о прочности государства Российского. Он (как и некоторые другие его современники) знали, что уже около 3000 лет в мире набирает мощь страшная, разрушительная, демоническая сила, направленная против идеи христианства, – христианства, родившегося вместе с Иисусом Христом в Галилее и приобретшего мощный импульс в греческой православной вере, и закрепившегося в Византийской Империи, которая послужила источником святости русских людей, когда князь Владимир из Киева принял *крещения всея Руси* в Херсонесе, – на земле Севастополя. Именно исходя из этих истин Государь Петр Великий уверовал, что без южного форпоста на Черном море, как средоточия трех великих религий Земли: православия, католицизма и ислама, – не мыслимо само существование могучей России. (Подобная мысль требует объяснения, но оно будет, если можно так выразиться, глобальным и потребует много места, может быть, даже целой книги, так что воспримем на веру...)

...К сожалению, Алексею Сэмюэлевичу не удалось убедить морской Комитет в необходимости выделить ассигнования на постройку оборонительных сооружений для защиты города с суши. Деньги поступят лишь... в 1854 г., когда у берегов Евпатории высадится десант союзных держав с целью агрессии против Русского государства. Но адмирала Грейга уже 9 лет как не будет в живых...

И все-таки благодаря его таланту организатора и после Крымской войны удалось сохранить главные верфи, мастерские, и, конечно же, систему администрации, без которых Александру II и его адмиралам чрезвычайно сложно было бы восстановить Черноморский флот.

Хотелось бы еще обратить внимание на такую тему, как обучение будущих моряков и флотоводцев; это, что называется, почувствуйте разницу: как и чему учили *в те* давние времена и *тогда*, когда учился будущий адмирал Н. Г. Кузнецов, не единожды упомянутый на этих страницах.

Совершая регулярное плавание с эскадрами флота, адмирал Грейг готовил моряков к трудным, но славным победам на море. Он принимает непосредственное участие в формировании в Николаеве штурманского и артиллерийского военно-морских училищ, однако его новаторские идеи не всегда получали поддержку в столице. Не было поддержано и его стремление открыть на Черном море свой Морской кадетский корпус; но удалось зарезервировать в столичном Морском корпусе 10 мест для детей черноморцев. В Николаеве и Севастополе под непосредственным патронажем командира портов и ЧФ были созданы отдельно училища для мальчиков и для девочек (да-да, условно говоря, чтобы учить эстетике и этике и житию среди моряков!). Занятия для мальчиков проводились по физике, механике, пневматике, гидростатике, гидродинамике, корабельной архитектуре; а также галантности и умению общаться в светском обществе и среди иных категорий подданных Российского Императора, – что являлось немаловажным для нравственности офицерского корпуса ЧФ. Сам Грейг нередко посещал учебные заведения и экзаменовал будущих офицеров. Для офицеров были организованы в Николаеве академические курсы повышения квалификации, на которых читали лекции приглашенные из северной и первопрестольной столиц преподаватели. Сам адмирал тоже читал лекции.

Для желающих функционировала открытая Грейгом Николаевская астрономическая обсерватория; где приобщались к занятиям метеорологией и астрономией, вели метеорологические журналы. Наиболее способных офицеров отправляли как за границу, так и на отечественные предприятия для совершенствования знаний. (К слову сказать, сооруженная позже под руководством адмирала на его средства от доходов его виноградников в Магараче, жившего уже в Санкт-Петербурге, Пулковская обсерватория, приобретет со временем статус астрономической столицы мира! Научным руководителем строительства был академик Струве.)

Ежегодно флот под флагом адмирала Грейга выходил в море для учебы и сплаванности экипажей. Именно в эти годы получили морскую и боевую практику те моряки, что впоследствии прославились в боях с турецким флотом...

Вообще эпоха Императора Александра I ознаменовалась многими выдающимися открытиями. К примеру, открытиями в Океании, которые осуществили военные моряки в период с 1803 по 1805 гг. под руководством И. Ф. Крузенштерна (впоследствии вице-адмирал; годы жизни 1770–1846) и Ю. Ф. Лисянского (впоследствии вице-адмирал; годы жизни 1773–1837), совершившие первое русское кругосветное плавание; а в 1819–1820 гг. открыли новый материк – Антарктиду – в плавании под руководством офицеров Ф. Ф. Беллинсгаузена (будущий вице-адмирал; годы жизни 1779–1852) и М. П. Лазарев (будущий адмирал и генерал-адъютант Его Императорского Величества; годы жизни 1788–1851). Также были осуществлены кругосветные плавания с целью изучения Атлантики, Тихого и Индийского океанов. Эти экспедиции обновили военно-морскую науку и образование в областях геодезии, геологии, картографии, высшей математики, гидрологии, метеорологии, навигации, мореходной астрономии, этнографии и земного магнетизма. Реализация этих требований способствовала кардинальному развитию военно-морских наук и подготовки поистине широко образованных морских офицеров.

Искренне отвечаю, с какой целью уделено большое внимание одному из адмиралов Русского флота, столь долгое время командовавшего Черноморским флотом в эпоху Императоров Александра I и Николая I. *Деяния Алексея Сэмюэлевича в деле укрепления южного фор-*

поста Российской империи оказались настолько опасными новому режиму на территории бывшей мощной державы, ставшей так называемым Советским Союзом, что было приложено немало сил, чтобы стереть его имя из памяти людской; не погнушались власти взорвать и монументальный памятник, установленный адмиралу в Николаеве... А. С. Грейгу за время командования ЧФ удалось создать паритет сил между русским и турецким флотами, — тем самым на Черном море, а также на прилегающих к ним Балканам и Средиземноморским государствам была создана зона мира, основанная на добрососедстве и сотрудничестве. Только благодаря этому фундаменту Александру II впоследствии удалось продолжить формирование отношений с Турцией; с падением же в 1917 г. Российской Империи Турция была освобождена от этих обязательств... Именно благодаря адмиралу Грейгу в Крыму были созданы условия для исключения межнациональной розни между жившими там русскими, татарами, греками, армянами и народами др. национальностей.

Интенсивно в годы становления советской власти со всех скрижалей Истории Русского флота вымарывали не только имя Алексея Сэмюэлевича, но и имя его отца, адмирала Сэмюэля Карловича Грейга. Да и эпоху двух императоров «ученые» XX века свели до уровня банальных побасенок, исказив и сфальсифицировав до неузнаваемости; впрочем, советская трактовка в негативном свете жизни и деятельности отдельных личностей Русской Истории чаще говорит о реальных и значимых делах их во славу Отечества Русского...

Благодаря дипломатическим способностям адмирала Грейга удалось установить добрососедские отношения между народами стран, расположенными в причерноморском бассейне, и мирно пользоваться проливами не только России, Турции, но и Греции, другим государствам средиземноморского бассейна. Понятное дело, нельзя приписать столь значимую заслугу только одному человеку; для установления паритета сил был разработан и осуществлен план, в котором участвовали и другие подданные Государя Императора. Для конкретного объяснения приведу пространную цитату из книги «забытого» в советскую эпоху историка Н. Г. Устрялова: *«Война России с Турцией началась весной 1828 года. С нашей стороны начертан был обширный план военных действий с тем, чтобы потревожить Турцию со всех сторон и совокупными, дружными ударами сухопутных и морских сил в Европе и в Азии, на морях Черном и Средиземном, убедить Порту в невозможности борьбы с Россией (выделено мной, — авт.). Фельдмаршалу графу Витгенштейну поручено главной армией занять Молдавию и Валахию, перейти Дунай и на полях Болгарии или Румелии нанести неприятелю удар решительный; графу Паскевичу-Эриванскому велено напасть с кавказским корпусом на азиатские области Турции для отвлечения сил ее из Европы; князю Меншикову с отдельным отрядом взять Анапу; адмиралу Грейгу с черноморским флотом содействовать покорению приморских крепостей в Болгарии, Румелии и на восточном берегу Черного моря; адмиралу Гейдену с эскадрой, находившейся в Архипелаге, запретить Дарданеллы для пресечения подвоза съестных припасов из Египта в Константинополь»* (Н. Г. Устрялов. Русская история до 1855 года. Петрозаводск, 1997 г., Корпорация «Фолиум», с. 838–839). Впрочем, предпринимались не только и не столько военные действия, но и в первую очередь, дипломатические шаги...

А вот какие события предшествовали этому, — причем *события*, говорящие о значимости установления мира на юге России? Имеющие, между прочим, прямое отношение к годам сороковым XX века! — ведь все, как известно, в Истории развивается во взаимосвязи, когда ничего из ничего не бывает... Еще каких-то десятков — два лет назад обстановка в мире складывалась следующим образом. Америка освободилась от Англии, но попала в другие объятия — объятия иудеев, которые заняли ключевые посты в финансовой сфере, а, значит, и начинали активно управлять политиками (и политикой), с дальнейшим прицелом управлять всем миром. Для этого нужно было только умело манипулировать процессами, сталкивая страны... А мирное, разумное управление народами, построенное на доверии и чести

– было для желающих заполучить чужие богатства и сверхвласть *опасным*, так как лишало их всяческих перспектив. На Европейском континенте бушевали организованные с помощью заинтересованных американских (читай правильно) сил наполеоновские войны, а на юге – в Средиземном море – безбоязненно орудовали пираты. В ту пору Греция, как и Балканы, находилась под оккупацией Оттоманской Турции. Великими державами, игравшими важную роль в этом регионе, по-прежнему являлись Англия и Франция. За ними следовали Россия, Германия и Австрия. И с точки зрения России подобное распределение было неправомерным, поскольку подразумевало вражду; тогда как Александр I предусматривал мирное сосуществование стран Средиземноморского бассейна, независимо от религиозного вероисповедания. Существовавшие тогда противоречия между этими странами иногда прекращались и заключались союзы и соглашения (главной заботой европейских и азиатских государств в этом регионе было определить, кто же займет тот вакуум, который оставляет после себя «больная» Турция, т. е. кто будет распоряжаться и диктовать условия).

Александр I, достойный внук своей бабушки Екатерины II, тонко проводил политику, рассчитанную на десятилетия вперед. Пожалуй, самую верную характеристику ему дал близко знавший его Карамзин, написавший после смерти Государя следующие проникновенные слова: *«Я любил его искренно и нежно, иногда негодовал, досадовал на Монарха, и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким»*. А председатель Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцов добавил: *«Правление его «ознаменованное делами беспримерной славы для отечества, во веки веков будет сиять в наших и всемирных летописях: царствование спасителя России, избавителя Европы, благотворителя побежденных, умирителя народов, друга правды и человечества»*. («Русский биографический словарь», С.-Петербург, 1896, т. I, стр. 382. Репринтное воспроизведение, М., 1992.) Именно при Александре I были заложены, а Николаем I и Александром II продолжены много значимые идеи, чтобы *«соблюден был мир на море, а начала права восторжествовали над силой в международных сношениях, для спокойствия вселенной, прогресса цивилизации и блага человечества»!* (там же, с. 571)

Брат Императора – Константин, получивший греческое образование, готовился своей бабушкой Екатериной II на пост Императора Греческого государства, которое та хотела основать со столицей в Константинополе. И границы которого включали бы проливы Босфор и Дарданеллы, Фракию, часть территорий нынешних государств к северу от Греции. Учитывались при этом и интересы мусульманской Турции. Ничего противоправного в идее создания столицы в Константинополе не было, т. к. в далеком прошлом это была цитадель христианства на Ближнем Востоке.

В те времена Греции, как государства, не было. Но были греческий народ и его Православная Церковь, Тайная школа и общество Фелики Этерия. Еще у народа имелся флот, главным делом которого была торговля с городами Средиземноморья, начиная от Барселоны и заканчивая Одессой. Все корабли принадлежали их судовладельцам, а экипажи состояли из греческих моряков. По морскому пути обычно осуществлялась доставка русской пшеницы; и не удивительно, что на большинстве греческих судов, согласно официальному разрешению, использовался русский флаг, золотая булла с двуглавым орлом и гербом российского Государя. А греческие суда с острова Спеце вообще считали, что они (коль отсутствует их государство) – подданные Российской Империи. Только под русским флагом греки могли беспрепятственно пересекать проливы Черного и Средиземного морей. Флаг обеспечивал им экстерриториальную независимость, и был крайне необходим, поскольку Россия получила от Турции право судоходства через проливы по Кючук-Карнарджийскому договору 1774 г.

Вместе с тем все корабли греческого флота имели древнегреческие названия, указывающие всему миру их национальную принадлежность. Возвращаясь из морских странствий, греки заходили на Спеце, где в фамильных усадьбах проживали семьи большинства отважных мореплавателей. В те времена Спеце, имевший сильный флот и судоверфи, был центром морского дела. История свидетельствует, что в 1821 г. моряки острова подняли флаг освободительной борьбы с целью освобождения от турецкой оккупации, за время которой было пролито немало крови как с одной, так и со второй стороны. Но понимания не было достигнуто по той причине, что над народами двух вероисповеданий дамокловым мечом висели иудеи, которые чинили всяческие препятствия, ибо не были заинтересованы в сотрудничестве и взаимопонимании этих двух мировых религий. Потому что при ссоре двоих *всегда* выигрывает кто-то третий: тихий, хитрый и якобы не причастный...

Проблемой этого региона Россия интересовалась еще во времена Екатерины II, которая посылала сюда с миротворческими миссиями своего фаворита графа Орлова и контр-адмирала Сэмюэля Грейга (существуют достоверные свидетельства, что шотландец Сэмюэль крайне негативно относился к «переименованию» его на нерусский лад в Самуила; к сожалению, это выдуманное имя закрепилось (-ли)...). Однако тогдашняя миссия этих двух влиятельнейших особ екатерининской эпохи не увенчалась успехом. Но и Русская Империя не бросала регион Ближнего Востока и Средиземного моря, искренне заинтересованная в создании мирного и делового сотрудничества между странами.

В начале XIX века, в 1806 г., в русско-турецкой войне моряки острова Спеце участвовали в боевых действиях под командованием адмирала Сенявина. Особую храбрость проявили тогда капитаны морских судов Бубулис и Пирусос. Но боевые действия успеха России не принесли, разве что упрочили дружбу с греками. Турция же оставалась враждебной и России, и ее средиземноморским союзникам.

В тот период истории международных отношений особо важную роль играла дипломатия; известно, что после падения Наполеона в роли исторической личности, регулирующей европейские дела, выступал Император Александр I. Он стремился сохранить мир в Европе *«для спокойствия вселенной, прогресса цивилизации и блага человечества»*, и оттого подчеркивал защиту и опеку греков и других православных христиан на Востоке. Мир предполагал баланс сил между Англией и Австрией; однако некоторые Монархические Дворы, *опасаясь всеславянского или всехристианского единства*, старались получить максимум выгоды. Дипломатический советник Императора России Иоаннис Каподистрия на Венском конгрессе старался помочь православным грекам. Но правитель Австрии Меттерних не считал целесообразным поддержать эту позицию и заявил, что знает только христианских подданных турецкого султана.

Среди тех, кто помогал грекам, был и русский посол в Константинополе граф Строганов. Благодаря его вмешательству жена влиятельнейшего человека на Балканах, убитого пиратами, гречанка Бубулина спасла свое большое имущество. Ее муж долгие годы помогал русским в установлении торговых отношений со странами Средиземноморья. Русский посол разрешил кораблям Бубулины и далее использовать флаг Российской Империи. Семья Бубулины была тесно связана с проживавшей на острове Спеце греческой семьей, установившей родственные связи с русскими дворянами Орловыми; многие потомки этой семьи, носившие двойную фамилию Лазар-Орловы, и поныне живут там...

После известного Наварринского сражения 20 октября 1827 г. три державы мира разошлись в политических взглядах на будущее Балкан. Россия поддерживала греков в их стремлении к независимости, Англия отрицала эту возможность, а Франция проявляла нейтралитет. В результате иностранного влияния на политической сцене Греции возникли три политических течения; сформировались прорусские, проанглийские и профранцузские общественные силы. Жители Спеце, конечно же, были в прорусской оппозиции. Но ни греки,

ни Англия, находящаяся под иудейским влиянием, ни Франция (частично находящаяся под иудейским влиянием) не учитывали еще одну важную составляющую, – мусульманскую Турцию. И Империи понадобились опыт, знания и дипломатическое искусство своего адмирала Алексея Сэмюэлевича Грейга, который еще в 1812 г. впервые стал на стезю дипломатии, не без основания полагая, что невозможно быть флотоводцем России, если не использовать возможности флота Российского во благо мира и достижения согласия народов любых приморских стран.

Так, на протяжении своей службы на Черном море адмирал Грейг всеми своими делами и поступками стремился установить паритет сил между русским и турецким флотом, с правом обеих держав использовать черноморские и средиземноморские проливы, Богом данные русским, а туркам Аллахом – с уважением права всех народов, живущих в государствах Средиземноморского бассейна.

Именно в то время, будучи командующим ЧФ, Грейг посоветовал жене потомственного судовладельца с острова Спеце Бубулине Ласкарине не нагнетать страсти (к сожалению, убитых не вернешь), причисляя к виновным поголовно всех турок и пиратов, и предложил поселиться в Крыму. С благословения Императора адмирал предоставил ей один из дворцов мавританского стиля недалеко от Ялты, который впоследствии стал собственностью одного из Великих Князей (к слову сказать, командный пункт генерал-полковника Эриха фон Манштейна, командовавшего 11-й армией вермахта, осадившей Севастополь, находился в июне 1942 г. именно в этом великокняжеском дворце).

И спустя несколько месяцев жизни в Крыму молодая женщина вышла замуж за графа, отпрыска рода Апраксиных. У них родилась дочь Александра Александровна, вышедшая в юном возрасте за русского подданного, крымского грека по происхождению, графа Константиноса Александрополиса. У них родились сыновья Петр и Дионисий; известно, что после смерти деда Дионисий вместе с бабушкой выехали в Грецию, на Спеце. А граф Петр женился в возрасте 35 лет на княжне Екатерине Лыковой (род Лыковых на Руси был известен уже 1000, а то и более лет). У них в 1877 г. родился один-единственный сын, также названный Петром; женат он был дважды, но первая жена умерла спустя пять лет супружеской жизни, не оставив потомства. И в июле 1914 г. граф Петр Петрович Александрополис женился вторично, прислушавшись к рекомендациям губернатора Таврии графа Апраксина и находящегося тогда в Ялте графа А. Г. Канкрин. Его избранницей стала княжна Мещерская, родившая 8 сентября 1917 г. их дочь Александру-Софию (которая уже в годы советской власти вышла замуж за Михаила, сына графа А. Г. Канкрин). Однако вскоре бывшая княжна Екатерина Алексеевна Мещерская (в браке графиня Александрополис) рассталась с супругом и дочерью, и под именем княгини Мещерской уехала в США, где вышла замуж за одного из влиятельнейших финансистов Америки. Эта уникальная женщина сыграла свою роль в истории России, передавая сведения из самого центра мировых заговоров (или формирования мировой политики, – назовите как угодно), именуемого Орденом. Имеют ли ее сведения отношение к Черноморскому флоту и событиям сороковых годов XX века на ЧФ? – спросите вы. И я отвечу коротко: да...

Ее дочь Александра-София в браке с Михаилом Канкриным родила в апреле 1941 г. первенца – дочь, которую называли Юлией, в честь бабушки – супруги графа Александра Георгиевича Канкрин (в девичестве княжна Юлия Белосельская-Белозерская). Однако младенец погиб в конце июня 1941 года во время эвакуации из Прибалтики, где инженером авиации служил муж Александры. Второй ребенок появился на свет в 1947 г., он получил два имени, словно родители хотели дать мальчику двух ангелов-хранителей: отец назвал малыша Иваном, а мать Олегом. Он вырос, но уже без родителей, которых в августе того же 1947 г. расстреляли чекисты, и остался приемным ребенком в семье Михаила Ивановича Стативы, проживавшего тогда с женой и тремя дочерьми Марией, Лизой и Ниной (сыновья

погибли на фронте) в Саках. А когда вырос, прошел уникальную школу жизни, узнал как его бабушка по матери Екатерина Мещерская доставала секретные документы, в том числе и те, которые касались истории уничтожения Черноморского флота... И это я благодарен судьбе, что я, – *ее внук, охраняемый двумя ангелами*, – видел многие бумаги, которые прошли через ее руки... и, наверняка, благодаря и ей тоже я знаю некую истину о тех событиях, о которых пишу в этой книге...

Но прежде чем продолжить повествование, хотелось бы, как говорится, внести ясность; понимая, что по ходу чтения начнут возникать вопросы, и чем дальше, тем больше, решил добавить необходимую информацию. Ну что ж, буду краток.

Не исполнится мне и 9 лет, как не станет Михаила Ивановича Статива. Его жена была занята другими заботами, меня отправили в Тургеневский детдом, где моими учителями (в полном понимании этого слова) станут директор школы (в годы войны офицер Красной армии, капитан, кавалер ордена Красного Знамени) Константин Максимович Раца и учитель географии (бывший оперуполномоченный особого отдела СМЕРШа, капитан Госбезопасности) Григорий Яковлевич Фокин. Через два года меня перевели в Чеботарский интернат, там премудрости жизни мне преподавали директор школы, преподаватель истории и обществоведения (в годы войны 1941–1945 матрос-подводник Тихоокеанского флота) Алексей Степанович Лагута, а также учительница английского языка Сима Ефимовна Эпштейн. В то время моим учителем был и капитан 1-го ранга, кандидат технических наук, доцент Высшего военно-морского инженерного училища Константин Георгиевич Коноплев, который и высказал запавшую мне в сердце мысль, что как сыну флотского офицера, участника войны, мне следует поступить в Высшее военно-морское училище. Он разговаривал со мной на равных и часто в разговоре сыпал терминами; многие его доводы удержались в моей памяти... Он утверждал, что именно сейчас, в 1964 г., настал тот период, когда ВМУЗы находятся на переломном этапе, т. к. разработка, эксплуатация и боевое применение кораблей, вооружений и военной техники ВМФ потребовали применения системного подхода. И надо же – именно *системный анализ* стал впоследствии основой моего научного существования... По мнению Константина Георгиевича, прежний путь развития слабо связанных между собой новых образцов вооружения и военной техники закончился, исчерпав себя. А для системного подхода необходимо было масштабное внедрение в образовательный процесс и научные исследования высшей и прикладной математики, теории вероятности, математических методов исследования операций на основе электронно-вычислительной техники. Тогда это было в новинку... И все кафедры ВМУЗов по всем специальностям резко усилили математическую и военно-кибернетическую подготовку слушателей и курсантов. В ходе боевой и оперативной подготовки флотов, образовательного процесса и военно-научных исследований выявилась необходимость разработки математических моделей процессов создания и применения средств вооруженной борьбы на море...

Я, окрыленный, уехал поступать в ВВМУ... Но спустя несколько недель, не успев насладиться новенькой формой, вместе с прибывшими к нам представителями *другого* военно-учебного заведения, забравшими меня, отбыл в иной город. По прибытию туда довелось пройти специальные тестовые проверки и экзамены. Помимо всего прочего, особое внимание уделялось интеллектуальному уровню, умению общаться, прочим специфическим качествам. К примеру, проводился испытательный тест на память, информационную выносливость, на способность к изучению иностранных языков, организаторские способности, на запоминание, на внимание, на оперативность соображения, на внешние раздражители и т. д. О, это любопытно: *как и чему* учат одних, кто и какие знания получает... даже в стране, как говорилось, равных возможностей...

Например, вербальные тесты памяти и использования понятий включали в себя: 1. Объем памяти для серии чисел увеличивающейся длины. 2. Математика возрастающей

сложности. 3. Вопросы на здравый смысл. 4. Формирование образов на основе логических и словесных подобию.

Выполнение тестов на наблюдательность в изменяющемся движении и сенсорно-моторную координацию: 1. Подстановочный тест, в котором следует заменить символы цифрами. 2. Сборка предметов. 3. Преобразование изображений на цветных кубах. 4. Распознавание отсутствующих изображений и т. д.

Предусматривалось, что кандидаты на поступление должны получить показатели интеллекта, измеряемые в цифрах от 100 до 145; я же получил, пройдя спецтесты, более... 175 ед. После чего мне сразу же было заявлено, что такие в ВВУЗ не принимаются. Однако (о чем я узнал много лет спустя) сюда позвонил высокопоставленный чиновник из ЦК КПСС; так я был зачислен на ведущий факультет, где готовят специалистов для работы в странах Юго-Восточной Азии. Так что не состоялся из меня военный моряк, – кем хотелось быть; судьба сыграла свою злую шутку, непостижную на первый взгляд... но остались форма, военно-морское обучение (как одно из образований, которые довелось постигать), рост по службе... Как говорили древние русичи, жившие в доисторические времена на Валдае, – голова юного ученика не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо восплемнить. Вот и открывали в нас скрытые возможности; делали уникальными...

Помимо специальных дисциплин в этом учебном заведении преподавалась «*Стратегия и политика государств мира*», включающая три раздела: *первый* предусматривал изучение стратегии и политики, решений политических и военных деятелей по проблемам подготовки, начала, ведения и завершения войн в исторической ретроспективе, начиная с доисторических времен и древнего мира; *второй* включал проблемы войны и мира за последние 4000 лет, анализ деятельности военно-политических коалиций и союзов в мировых и локальных войнах; в *третьем* разделе изучались проблемы обеспечения безопасности в современных условиях в различных регионах мира, в том числе и с применением вооруженных сил. Целью изучения этой дисциплины было освоение слушателями методологии определения взаимосвязи между целями государств и способами их достижения политическими, дипломатическими, экономическими, военными и др. средствами на основе истории войн человечества, военных конфликтов и причин их возникновения, а также политики, экономики государств, их вооруженных сил, национальных интересов и иных факторов. При этом весьма тщательно изучались высшая социология, генетика, антропология и физиология в деятельности выдающихся государственных деятелей и военачальников, начиная с древнейших времен. *Эти исключительные знания* позволяли прививать слушателям системное восприятие в решении государственных проблем, исходя из национальных вопросов, разрабатывать предложения по обеспечению политических решений не только мирными, но и боевыми средствами.

Еще одной учебной дисциплиной был курс «*Принятие решений по проблемам национальной безопасности страны*», состоящий из трех частей: 1) планирование строительства вооруженных сил; 2) теория и практика принятия решений; 3) основы принятия и реализации политических решений.

Другой учебной дисциплиной был курс «*Ведение наступательных и оборонительных операций*», где изучались подготовка и ведение операций, международно-правовые вопросы применения военной силы, стратегические и оперативные концепции при анализе войн, военных конфликтов, военные доктрины государств и коалиций государств.

В качестве дополнения к этим учебным дисциплинам предлагался перечень факультативных дисциплин в количестве почти 60 курсов, из которых предлагалось выбрать 2–3; и от того что ты выберешь, во многом зависело твое будущее. Я выбрал следующие: «Земля, океан, космос – глобальность и единство проблем. Русь»; «Современные проблемы Ближ-

него Востока. Вероисповедания и конфессии» и «Законы войны. Клаузевиц и его наука о войне».

Затем, как говорилось в советскую эпоху, началась трудовая деятельность на благо Родины. И соискательство в сфере науки. Но прежде чем выпустить нас на широкий простор, Родина набрасывала короткий поводок: испытание уголовным делом, приговором и тюрьмой. Для дискредитации; *так, на всякий случай*, чтобы неповадно было сбегать из родной и великой страны, а если работаешь за рубежом, то «найдем и там, достанем из-под земли!!!!!»; чтобы неповадно было высказывать нестандартные мысли, озвучивать то, чему тебя так долго и тщательно учили... ведь если Родина вдруг вытащит из секретных охраняемых сейфов припрятанный на тебя компромат и покажет общественности, что ты вор (убийца, насильник... – варианты могут быть разные, тут уже кому как «повезет»...), – то кто же тебе поверит, твоим умным мыслям и рассказам?!

Но, как бы ни было грустно вспоминать о «моем» ВВУЗе, его преподавателях (часто даже не знающих и не видящих своих слушателей; как не видели нас водители, возившие на занятия в закрытых фургонах) и жестоких испытаниях, проводимых с нами, все же это, пожалуй, тема другого разговора. Однако я надеюсь, многое, о чем речь пойдет дальше в этой книге, станет теперь более понятным и приемлемым. *Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит...*

Глава 9

Крымская война 1853–1856 гг. – особый период в истории Черноморского флота. Который заслуживает отдельного исследования в свете того, что готовность флота к войне была чрезвычайно высокой, но злой рок принес временный горький проигрыш не только ЧФ, а и Российской империи. Однако *злой рок* – это... управляемый из-за океана процесс, когда Англии и Франции диктовались условия агрессии против России, Германии (Пруссии) и Австро-Венгрии.

Начиная с XVIII века Россию (по правде говоря, еще с XIII века) активно пытались лишить *«опасного нравственного могущества, благодаря которому все друзья просвещения и человечества, большинство людей добра, становились... союзниками»*, – так утверждал все тот же А. А. Половцов (автор «Русского биографического словаря», вышедшего в конце XIX века, в 1896 г., называет сей процесс антирусского, антиславянского заговора *«гением зла»*, тогда как, к примеру, современный писатель Григорий Климов дает другое обозначение: *«борьба Бога и дьявола»* и *«сатанинская вакханалия»*).

Крымская война была проверкой на прочность империи. «То, что было силой России при обороне, – огромное протяжение ее редко населенной, бездорожной, бедной источниками снабжения территории, – обернулось против самой же России, как только Николай сосредоточил все свои военные силы в одной точке периферии – в Севастополе. Южно-крымские степи, которые должны были стать могилой для неприятеля, стали могилой для русских армий, которые Николай, со свойственной ему свирепой и глупой беспощадностью, одну за другой гнал в Крым, под конец даже в разгар зимы», – вот что писал Энгельс о Крымской войне (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, ч.2, с.28–29). И что это, как не *вмешательство во внутренние дела другой страны?!* – когда хочется представить все в выгодном для себя свете: тут тебе и бездорожная, и бедная, и вообще, почти ничейная территория, которую так хотелось заполучить тем же Англии и Франции; но самое главное – тут имелся свирепый и глупый глава государства, которого Энгельс, отрабатывая заокеанские денежки, любил лягнуть вместе с его благословенной Россией... Так называемые «классики марксизма» специализировались на дезинформации общественного мнения XIX века и будущих столетий.

Славу Черноморского флота и могущество Империи сумел восстановить Император Александр II (годы правления 1855–1881).

По его поручению Великим Князем Константином Николаевичем была разработана государственная политика в области военного флота, впоследствии умело осуществляемая Морским министерством. То, что Император поставил во главе флота, оказавшегося в глубоком кризисе, ближайшего родственника, говорит о важности сего направления; при этом Державный вождь руководствовался заветом Петра Великого: *«Тот, кто имеет армию, есть потент, кто имеет и флот, тот имеет две руки»*.

Осенью 1870 г., пребывая в Царском Селе, Император принимает два важных решения, косвенно вызванных событиями на театре войны между Германией и Францией, разгромом французских войск и распадом империи Бонапартов. Более Россия не считала себя связанной постановлениями парижского договора 1856 г. об ограничении ее державных прав на Черном море. Кроме того, отныне прямое участие в воинской повинности распространялось на все сословия государства. 20 декабря т.г. по представлению военного министра, Государь утвердил общие основания для комиссии, которой было поручено составление нового положения о личной воинской повинности. *«Главнейшие из них следующие: защита отечества составляет священную обязанность каждого русского подданного; ежегодному*

набору подлежат все молодые люди, достигшие 21-летнего возраста; поступление на службу решается жребием; временные освобождения или отсрочки от призыва разрешаются лишь в самых ограниченных размерах, замещения же или откуп от военной службы вовсе не допускаются; срок службы в армии и во флоте полагается семилетний; окончившие семилетний срок действительной службы перечисляются в запас на восьмилетний срок; молодые люди, удовлетворяющие известным требованиям общего, специального или технического образования, допускаются на службу вольноопределяющимися на сокращенные сроки; все, не поступившие на действительную службу в армию или во флот и способные к оружию, могут быть, в случае войны, призваны в состав государственного ополчения» («Русский биографический словарь», с.652). Так что включенные в учебники истории и литературы для средней школы сведения о том, что в царской России несчастные солдаты всегда служили 25 лет, – не более чем все та же дезинформация, нужная для воспитания дегенератов, преданных советской системе.

Как все общество восприняло эти меры? Прочитируем отрывок из «адреса представителей Новороссийского края» (подобные «всеподданнейшие адреса от дворянских и земских собраний, городских и сельских обществ» шли Императору со всех концов страны): *«Прозревая будущее, Ваше Величество не остановились, в 1856 году, перед пожертвованиями и горестью вашего вселюбящего сердца, чтобы даровать верноподданному вам народу блага мира и путем его вести Россию к великим историческим ее судьбам. И теперь, тем же словом мира, но с сердцем, исполненным уже не горести, а лишь светлого сознания правды, Ваше Величество приготовляете возвращение своему народу его естественного достояния, восстанавливая верховные права ваши на Черном море. Там, где десятки миллионов теснятся дружно у монаршего Престола, взирая на него с любовью и преданностью, – там слово Монарха есть, вместе с тем, и голосом единого, великого народа! Такова могучесть, Августейший Государь, слов ваших, предвозвещающих самостоятельность русского флага на Черном море, безопасность развития на берегах его отечественного судостроения, охрану торговли, промышленности, имуществ на Юге России! И если все русские сердца восторженно откликнулись, Государь, на ваше торжественное о сем слово, то Новороссийский край и Бессарабия встречают это великое событие с чувством сугубой радости: прилегая к Черному морю, край этот, щедро одаренный богатствами природы, наиболее ощущал утрату права, ныне восстанавливаемого. С усиленною деятельностью и вяще оживленным духом он будет продолжать развивать свои обильные средства и, как всегда, воедино с остальною Россией, по мановению своего Венценосного Вождя, готов будет принести их на алтарь Отечества!»* (там же, с. 651–652).

Для возрождения патриотизма в народе и распространения сведений о деятельности флота Великий Князь привлек к сотрудничеству флотский журнал «Морской сборник» (начал издаваться в 1848 г.), куда были приглашены лучшие научные, литературные и флотские деятели того времени: А. Н. Островский, И. А. Гончаров, В. И. Даль, Н. И. Пирогов, Г. И. Бутаков, К. Н. Посьет, С. С. Лесовский и др. Обращаясь к ним, Константин Николаевич писал: «Морское начальство, не желая стеснять таланта, вполне представляет вам излагать ваше путешествие и результаты исследований в той форме и в тех размерах, которые вам покажутся наиболее удобными, ожидая от вашего пера произведения, достойного как по содержанию и изложению, так и по объему».

Следует заметить, что для писателей специально организовывались дальние заграничные походы, а то и кругосветные плавания на военных кораблях! Благодаря произведениям лучших писателей того времени страна узнавала о героизме русских моряков, о восстановлении южного форпоста и важности воссоздания мощного Русского флота.

Любопытно, что Генерал-Адмирал Великий Князь Константин Николаевич передал инструкции адмиралу Фердинанду Петровичу Врангелю, председателю Морского ученого

комитета, руководившему деятельностью редакции нового журнала «Морской сборник». В них, в частности, говорилось: «...*В руках высшего морского начальства «Морской Сборник» составляет сильное орудие для довершения образования морского офицера, которого нельзя считать оконченным, когда он оставил школьную скамью Морского корпуса.*

«Морской Сборник»... содержит новейшие сведения, которые морскому офицеру нужно иметь для пользы службы... Через сообщение ежемесячно каждому офицеру трудов, подвигов, занятий, страданий его товарищей, «Сборник служит непрерывною связью между моряками и, возбуждая взаимное участие и сочувствие, тем самым поддерживает то дружество, которым всегда отличалась наша морская семья...

Цель наша – ...чтобы знакомить Россию с флотом, возбуждая к нему уважение и привязанность».

Тогда же были введены различные новшества и осуществлены многие реорганизации. Для создания технического оснащения парового флота привлекли академиков и профессоров: Э. Х. Ленца (немца по происхождению), А. Коноплева, И. Сомова, В. Алексеева и др. Обновилось обучение в Академическом курсе морских наук. Известно, что руководитель и первый начальник Николаевской морской академии контр-адмирал Алексей Павлович Епанчин (годы жизни 1823–1913; генерал-адмирал Его Императорского Величества, к слову сказать, подобное звание давало возможность общаться с Императором в любое время, что, несомненно, в данном случае способствовало развитию военно-морской науки) активно привлекал к сотрудничеству признанных авторитетов образования, которые были избраны «Почетными членами Морской академии». Среди них – граф, генерал-адъютанта Его Императорского Величества, профессор, адмирал Ф. П. Литке (немец по происхождению); генерал-адъютант Его Императорского Величества адмирал Б. А. Глазенап (немец по происхождению); министр путей сообщения Империи генерал-адъютант Его Императорского Величества вице-адмирал К. Н. Посьет; вице-адмирал С. С. Лесовский; президент Императорской академии наук, действительный тайный советник, профессор В. Алексеев; тайный советник С. И. Веселаго.

Несколько позже совет академического курса получил новый, более высокий статус, и стал именоваться Конференцией Николаевской морской академии. Членами Конференции был весь профессорско-преподавательский состав академии; но в него входили и представители внешних учреждений: начальник Технического училища морского ведомства генерал-лейтенант А. И. Зеленой; председатель кораблестроительного отделения Морского технического комитета генерал-лейтенант И. С. Дмитриев; начальник артиллерийской части в Кронштадте генерал-лейтенант Ф. В. Пестич; академик Императорской академии наук, тайный советник А. Н. Савичев; академик Императорской академии наук Л. И. Шренк (немец по происхождению); директор Санкт-Петербургского технологического института В. Н. Александров; инспектор классов Технического училища морского ведомства генерал-майор П. П. Тыртов; начальник гидрографической части ЧФ и портов капитан 1-го ранга В. И. Зарудный и др.

Учреждение Конференции для управления процессом восстановления флота предусматривало резкое повышение образования командного состава флота, начиная от уровня Великого Князя и генерал-адмирала до рядовых офицеров. Чтобы, в первую очередь, сделать выводы и впредь не допускать катастроф флота.

В связи с внедрением паровых кораблей был создан Минный офицерский класс, учрежденный 1 октября 1874 г. в Кронштадте (срок обучения 1 год), где повышали квалификацию и проходили переподготовку офицеры механических служб.

Эпоха Александра III (годы правления 1881–1894) характеризуется воплощением дальнейших замыслов убитого террористами Императора Александра II, успевшего восстано-

вить и могущество Отечества русского, и силы флотов, в том числе и ЧФ. Продолжая политику Петра I и его венценосных последователей по обеспечению безопасности южных границ Империи, Государь особое внимание уделяет дальнейшему возрождению Черноморского флота, ставшего главенствующей силой на Черном море. В 1886 г. Высочайшим указом на Черноморский флот возлагалась задача «служить вооруженной защите государственного достоинства». И неудивительно, что большое внимание обращается на нравственное воспитание будущих морских офицеров.

...Документы по части становления и развития Русского флота, которые получил от адмирала Беренса Николай Герасимович Кузнецов, охватывали период со времени царствования Петра I и до эпохи Александра III. Содержались ли там все сведения, о которых шла речь выше? – думается, нет. Однако и того, что он прочел, было достаточно, чтобы в нем заговорил *истинный патриот* своей некогда великой страны...

Им была обнаружена приписка рукой контр-адмирала Беренса, что нет никаких сомнений в том, что судьба в недалеком будущем возложит на архангелогородца Кузнецова столь высокую ответственность по руководству флотом, что при этом Николаю Герасимовичу придется о многом в своей жизни забыть и полностью посвятить себя служению России, – той России, которую он, адмирал Беренс и многие его сотоварищи потеряли. Высочайшая ответственность будет тяжелее от осознания, что применять свой талант придется в кругу инородцев и невидимых ему недругов. Завершалась же сия приписка словами: *«Да поможет вам Господь, если вы воистину служите Русскому флоту»*.

И теперь, чтобы не выглядеть голословным, пора открыть, почему Михаил Андреевич Беренс подошел к Кузнецову и откуда он знал, что со временем именно Николай Герасимович займет руководящий пост на флоте. Все дело в том, что спланированная за океаном в аналитическом центре Ордена и, в конце концов, совершенная руками масонов, евреев и психопатов революция в России, обретала завершенность через становление так называемой *советской власти*. И руководящий корпус этого нового жуткого государственного образования высчитывался, готовился и назначался (путем интриг и различных манипуляций уже в СССР) все в том же Ордене, имеющем конкретный адрес: Нью-Йорк, Бродвей, 120. Практически все решения высшего совета Ордена в отношении этих людей были воплощены Сталиным (и его предшественниками) в жизнь; однако важно понять, что Сталин не был послушной марионеткой и в какой-то момент затеял свою игру, причем провел множество успешных партий... Попад в *святая святых* мировых интриг – т. е. став женой одного из членов Ордена княгиня Екатерина Алексеевна Мещерская (не станем объяснять *как и по чьему желанию* это произошло) через надежных бывших сотрудников Имперской разведки передавала важные сведения бывшему руководителю той же сверхсекретной имперской организации. После чего сразу или же много лет спустя! (все это процессы нелегкие, имеющие прямое отношение к понятиям *разведка* и даже тому, что называют *футурологией*) – по возможности информировались русские по происхождению члены Страны Советов, которым новой масонской властью предстояло выполнить те или иные миссии. Наверняка на пост будущего главы советского флота рассматривалась не только кандидатура Кузнецова, однако, в конце концов, расчет оказался правильным, и тот получил предупреждение, о котором не смел рассказать никому и никогда...

Предчувствуя военную грозу, Николай Герасимович все чаще в те июньские дни 1941 г. возвращался в мыслях к документам и письму адмирала Беренса. Конечно же, он давно уничтожил компромат, и иногда, пребывая в душевном смятении, спрашивал себя: а было ли все это наяву? Однако с тех пор, как Н. Г. Кузнецов занял пост наркома ВМФ, он стал отчетливо осознавать насколько невероятно сложно *быть русским адмиралом* и отвечать за все и вся, за все решения, принимаемые не тобой, и зачастую – вопреки твоим решениям и вопреки здра-

вому смыслу! И при этом весь процесс уничижения и уничтожения русского флота окружающие тебя инородцы прикрывают твоим русским именем...

Глава 10

В конце 1917 г. – начале 1918 г. на территории Российской Империи был образован ряд государств, в том числе РСФСР, Украинская Народная Республика (УНР), Крымская Демократическая Республика (КДР) и др. При свержении законного правителя в России еврейская власть Ульянова-Ленина (внука дедушки Сруля Мойшевича Бланка и говорившей только на идише бабушки Анны Иогановны Гроссшопф) и его клика не определила территорию и границы (потому они нигде не были зафиксированы); союз стал расширяться по мере захвата власти в других регионах бывшей Империи.

К началу 1918 г. принадлежность Крыма, а также главной базы ЧФ – Севастополя – к еврейскому режиму Ленина не получила правового оформления. Этим воспользовались объявившие себя руководителями Украины члены Центральной рады, которые стали добиваться присоединения Крыма к Украине. Но жители полуострова были категорически против; Крым оказался в политико-правовой неопределенности.

Одновременно кайзеровская Германия и ее император Вильгельм II, двоюродный брат русского Императора Николая II, получив поддержку своих союзников от Австро-Венгрии, Турции и Болгарии принял решение о военной операции с целью спасения русского народа и русской государственности; немецкие войска вошли на западную и южную территории бывшей Российской Империи (т. е. в Украину).

Правительство Ленина путем различных интриг стремилось не допустить фиксации на международно-договорном уровне положений, которые могли быть использованы для отторжения Крыма, Севастополя и Черноморского флота.

К тому же после того как в Санкт-Петербурге власть насильственным путем захватила еврейская группа преступников, возглавляемая Ульяновым, южный сосед России – Турция заявила о своем несогласии с осуществленной с помощью и на деньги международного еврейства акцией кровавого переворота. А потому существовавший между Россией и Турцией договор по сохранению паритета на Черном море сочла потерявшим силу.

Вильгельм II высказал протест, что клика Ленина, *«представляющая собой группу отъявленных развратников и проходимцев, преследует цели, поставленные ей международным еврейством по уничтожению моего брата, его семьи, его подданных – русских и других народов Империи. А потому я, как и весь мой немецкий народ, буду всячески препятствовать разгулу еврейского бандитизма в России, причем не только методами вооруженной борьбы, но также и дипломатическими средствами с привлечением всех заинтересованных стран причерноморского бассейна, которые всегда имели добрые отношения с моим братом и его народом»*. Эти слова императора слышали все члены делегации Германии, следовавшей в Киев на переговоры с графом Скоропадским по проблемам взаимоотношений Малороссии и Великороссии, а также Крыма и Черноморского флота. В частности, в беседе с генералом германского рейхсвера графом *Эдвардом фон дем Левински* Вильгельм II не единожды подчеркнул эту мысль. В задачу Левински входило пребывание в Севастополе, Ялте, Симферополе и на кораблях ЧФ.

Эдварда фон дем Левински в его поездке в Крым сопровождал 30-летний гауптман (капитан) *Фридрих Эрих фон дем Левински (Манштейн)*, который в то время был отозван с фронта из штаба 12-й армии, воевавшей под Верденом, и откомандирован в распоряжение своего отца. Да-да, тот самый Манштейн, который вместе с немецкой армией окажется на многострадаальной крымской земле в 1941 году!

К апрелю 1918 г. войска рейхсвера и Австро-Венгрии вступили в Одессу, Николаев, Херсон, а 1 мая т. г. вошли в Севастополь. На следующий день, 2 мая в Севастополь вошли

корабли кригсмарине и Турции. Население этих городов, как и моряки Черноморского флота, восторженно встречали их.

...Впоследствии лживые советские пропагандисты напишут, что немцы хотели захватить ЧФ, и что они «...из Севастополя вывезли все, вывезен лом железа... вся медь и олово». Желание обладать флотом большевики приписывали и гетману Украины графу П. Скоропадскому. Причем тактика лжецов менялась в зависимости от ситуации; все это тогда же представители разных стран, участвовавших в разрешении ситуации, называли «*жидовскими мансами*».

Видя, что Крым и ЧФ ускользает, большевики запустили версию о необходимости присоединения Крыма и Севастополя к Украине, а также объявили призыв морских офицеров ЧФ на украинскую службу. Но моряки ЧФ, по словам офицера флота того времени, *«придерживаются чисто русской, но не жидовской ориентации, которую навязывают ленинские комиссары в Севастополе. А на самостоятельность Украины смотрят как на проходящую болезнь, после которой будет, конечно, воссоединение с Россией, но не с ленинско-жидовской, а с Россией Дома Романовых. И тогда весь Черноморский флот опять возвратится в лоно Русского государства»*. Эти слова были напечатаны в «Вестнике Русского флота», издававшегося в начале 30-х годов в Париже. А теперь процитируем этот же отрывок, переделанный большевистскими пропагандистами: *«придерживаются чисто русской ориентации и смотрят на самостоятельность Украины как на проходящую болезнь, после которой будет, конечно, воссоединение с Россией. И тогда весь Черноморский флот опять возвратится к России»*. Ловко и по-большевистски... Даже подписали под этими словами фамилию С. Холодовского; тогда как на самом деле тот офицер Черноморского флота, капитан 2-го ранга носил фамилию Путилов-Холодовский.

Офицеры, кондукторы (унтер-офицеры или сверхсрочнослужащие) и матросы Черноморского флота отказались принимать присягу на верность гетману и украинской державе, рассматривая себя как вольнонаемных, и как подданных Российской Империи, однажды и навсегда присягнувших Государю Императору Николаю II. А после того как матросы и офицеры поддержали союзные войска Германии, Турции и Австро-Венгрии, большевики переполошились. Наркомат иностранных дел большевиков в страхе не мог заявить протест, хотя и подчеркивал в своих пока робких заявлениях по поводу событий на юге, что Крым – это принадлежность РСФСР. В то же время и граф П. Скоропадский не менее робко заявлял, что *«Украина не может жить, не владея Крымом, это будет какое-то туловище без ног...»*.

В связи с последним высказыванием, генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, вспоминая то далекое время, при личной встрече (!) говорил мне: *«По поводу этого заявления Скоропадского, сказанного им на встрече с военным атташе Германии, офицеры из окружения графа после шутили, что это туловище не без ног, а без ж... и детородного органа»*. (Пожилкой военачальник коротко усмехнулся и глянув лукаво, красноречиво хлопнул себя по ноге: *«...о, без ляшка и х...»*). А после извинился, слегка разведя руками: *«...так не я, так офицеры говорили...»*.)

А тогда Эрих и его отец генерал Левински провели в Ялте ряд встреч с элитой русского общества – аристократами и приближенными к Государю Императору. Было высказано единодушное мнение, что захваченный евреями Петербург (Петроград – это название сотворено масонами и евреем Керенским) – это еще не все Русское государство; и даже если падет Москва, то и это будет не вся Россия... Именно тогда князь Трубецкой заявил: *«Пожалуй, в ближайшее время... у меня есть на то основания так говорить... мы не вернем себе града Петрова. Но мы создадим и зложим новый град Петра здесь, в Крыму, и образуем здесь русское правительство, которое рано или поздно сметет еврейских прохвостов. А Крым станет опорным фундаментом возрождения русского народа и русской государственности»*. Слова князя были горячо поддержаны всеми присутствующими.

Эрих фон Манштейн, 30-летний немецкий аристократ, еще не достаточно владевший русским языком, фиксировал выступления русских аристократов с помощью переводчика. И если бы будущему генерал-фельдмаршалу сказали о том, что почти все присутствующие при этом важном разговоре участники – аристократическая элита России – вместе с семьями и детьми от мала до велика будут *расстреляны* еврейскими чекистами в этой же Ялте через короткое время, он бы не поверил. Подобная дикая мысль могла прийти в голову разве что дегенерату или психопату. Но...

Его отцу генералу фон дем Левински князь Трубецкой рекомендовал встретиться и с лидерами национальных общин Крыма: татарской общины Сейдаметом, греческой – графом Петром Алекسانдраполисом, армянской – Эриком Петросяном и князем Оганесовым. Все эти встречи имели место. И лидеры, независимо от их происхождения и вероисповедания выразили уверенность в том, что и со свержением Государя все народы Крыма считают себя подданными Российского государства и Империи Романовых.

На чем, кроме родственных связей между Царственными Домами, длительной тесной дружбы, исходящей из древнейших времен, и добрососедских отношений между немцами и русскими зиждился интерес Германии на юге бывшей Империи? Конечно, все эти составляющие – очень сильный аргумент. Но, думается, следует учесть и такой нюанс: *«На северных берегах Черного моря... утвердились со II–III в. по Р. Хр. германские племена, известные под общим названием готов. Они пришли с низовьев Вислы, с южного побережья Балтийского моря, овладели всем Черноморьем от Дуная до Дона и Кубани...»* (см. С. Ф. Платонов. Полный курс лекций по русской истории. «КРИСТАЛЛ», Санкт-Петербург, 1997, с. 60–61. Согласно этому же источнику на Кавказских горах удержались иранцы, *«которые теперь сльвут под именем осетин»*; и это важно вспомнить, когда речь пойдет о совсем другом времени – о начале 40-х годов XX в.!). О том, что в Крыму в начале и первой трети XX века проживала большая колония немцев-колонистов, есть у меня давние свидетельства; в частности, от потомков владельца чеботарского урочища около города Саки Вильгельма-Вальтера Ратнера (и поныне его дом с высокой башенкой возвышается вблизи находящегося там интерната). Так что не удивительно, что по поручению императора Вильгельма II делегация, в состав которой входили генерал фон дем Левински и его сын Эрих фон Манштейн, изучала ситуацию на месте. Известно, что один из влиятельных немцев Крыма барон фон Фальц-Фейн в разговоре с соотечественниками высказал твердое мнение, что немцы никогда в истории Российского государства с доисторических времен и времени Петра Великого не претендовали на первые роли в государстве русских, не станут претендовать и сейчас... Этот отпрыск древнего аристократического рода, покинув дорогой ему Крым, Таврию и Романовскую Россию, навсегда поселился в княжестве Монако...

Большевики услужливо остерегали, будто немцами рассматривался вариант аннексии Крыма с целью создания немецкой колонии; причем аннексии только прибрежной части Южного берега и передачи остальной части полуострова Украине. А также будто бы надумывалось создание татарского государства с немецким управлением. Это не соответствует действительности. Ибо на случай непредвиденных обстоятельств, в случае, если с помощью международного интернационального еврейства соратники Ленина захватят и начнут разорять всю Россию, то предусматривалось, что тогда будет образовано самостоятельное правительство субъекта международного права республики Крым.

Но немецкой стороной это предусматривалось как крайняя мера, которая получила возможность реального развития... *с вторжением германского вермахта 22 июня 1941 г.*; о чем речь будет вестись ниже. А тогда, в 20-х годах, серьезно речь об этом еще не шла, хотя планы прорабатывались.

Наверняка в этом серьезном вопросе свою роль сыграли и кадеты, имевших прочные позиции в земствах; они, по мнению князя В. А. Оболенского, заявляли, что «Крым является лишь частью Российской Империи и говорить о самостоятельности Крыма преждевременно». В 1921 г. князь, находясь в эмиграции, заверил, что отныне, после крушения Империи, Крым вправе заявить о своем суверенитете, территориальной целостности, сохранении своих народов, став международным правовым субъектом. Мнение князя разделялось большинством эмигрантов. Но время было упущено... зато евреи не упустили князя, подсунув одному из его отпрысков еврейку в качестве жены (это и есть их главная захватническая тактика во все времена *до* и *после* Рождения Иисуса Христа), – так была похищена аристократическая фамилия; то же происходило *до* (единично) и *после* революции (массово) с подавляющим большинством аристократических родов...

Коалиционное правительство после зондажа немецкой стороной обстановки в Крыму возглавил генерал М. Сулькевич, который весьма негативно относился к идее поглощения Крыма Украиной. Что наложило отпечаток и на деятельность его кабинета.

При этом правительство Крыма декларировало себя как «краевое», а не «государственное». На практике же вводились элементы, характеризующие государственную самостоятельность Крыма, дискутировался вопрос о создании вооруженных сил (что получит воплощение, когда войска юга России под командованием генерала П. Н. Врангеля, создадут в Крыму правительство Российской Империи), был принят закон о крымском гражданстве, утверждены герб и флаг с имперской символикой и расцветкой, государственный язык (конечно же, русский, а в школах изучалась словесность русского языка). Были даже разработаны инструкции для переговоров по проведению госграницы между Крымом и Украиной.

И тогда большевистская агентура в Крыму спровоцировала вопрос о... правосубъектности Крыма в международном аспекте. Была составлена телеграмма, якобы подписанная командующим немецкими войсками генералом Кошем. В ней, в частности, говорилось, что правительство Сулькевича не является государственным, а только краевым, без собственного МИД. А потому Крым не должен иметь политических отношений с иностранными державами.

Генерал был предельно возмущен, о чем информировал киевские власти. А те, воспользовавшись этой ситуацией, решили форсировать события. Был срочно создан комитет «Степная Украина», через который пошел поток финансов украинским организациям в Крыму (имевшим главной задачей распространение идей о присоединении полуострова к Украине), стали также финансироваться издаваемые в Крыму три украинские газеты. Кроме того, Киев объявил Крыму таможенную блокаду, прекратили товарообмен и телеграфную связь, возникли предпосылки к пограничным конфликтам и захвату территории. Министр внутренних дел Украины И. Кистяковский открыто угрожал князю В. Оболенскому: «Крым будет присоединен к Украине! Если вы не сдадитесь миром, то мы вас завоюем. Если и тогда вы все будете против нас, то мы вас повесим!». Совсем по большевистски: если враг не сдается, его уничтожают... Ну как тут не привести цитату профессора высшей социологии, да к тому же еще и известного писателя Г. Климова из его популярной книги «Красная каббала»: «Украинских националистов немцы так же уничтожали, как и НКВД. ...украинский национализм – это тоже своего рода болезнь. Как каждый болезненный национализм. Здесь нужно проводить границу: нормальный, здоровый национализм нормальных людей и – та же вещь в гипертрофированной форме, которая превращается в болезненный национализм, в данном случае украинский, – их стреляла и советская власть, их стреляла и немецкая власть. ...А в чем дело? – Комплекс власти! Украинский националист хочет спихнуть существующую власть, чтобы сесть самому покомандовать. И вот корнем является

болезненный комплекс власти, комплекс вождя. А в результате – лишь 30 или 50 лет спустя – три поколения шизофреников от этих украинских националистов». («Красная каббала», Краснодар, «Советская Кубань», 1998, с. 92)

Впрочем, окрепшая большевистская рука ленинского правительства искусно манипулировала событиями и в Киеве, и в Симферополе. Эту направленность хорошо понимали члены германской делегации, а также русская аристократия, жившая в Ялте, которая тяжело переживала последствия крушения своего государства; тем более что приближение смертельной катастрофы для всей России уже было слишком очевидным. И помощь германских друзей вряд ли что-либо изменит...

На юге страны царил хаос. В Киеве начал действовать принцип *«Разделяй и властвуй!»*. Развертывалась самая настоящая информационная война; причем победа была на стороне наглых и опытных в этом гнуснейшем деле – на стороне евреев-большевиков, красных комиссаров, чекистов и психопатов разного толка... Осмелевшими местечковыми евреями начался массовый грабеж в виде обмана населения Украины и Крыма; ими же была спровоцирована таможенная война между двумя славянскими народами – русским и украинским. Эти *дешевые гешефты* местечковых евреев, подзуживавших и провоцировавших на столкновение, породивших пресловутое, ставшее нарицательным обращение украинцев к русским *«москаль»*, а русских к украинцам *«западэнец»*, позже – *«бандеровец»*... и пошло-поехало... это чудовищное ненавистническое явление, впоследствии (и практически до сего времени) охватившее два великих славянских народа, умело направляли еврейские монстры в правительстве Ленина, а затем Сталина. Евреи, оккупировавшие Москву и Киев, Петроград и Харьков, только потешались над тем, как их меньшие братья – местечковые евреи – разыгрывали подлую карту столкновения лбами двух влиятельнейших народов.

На фоне подобных событий большевики заявили, что Германия захватывает Черноморский флот, что ослабляет позицию РСФСР. В информационной войне *все средства хороши*; были перекручены и слова генерала Э. Людендорфа, сказанные им в июле 1918 года: *«Мы, немцы, должны оказать такое влияние на сложившееся положение, чтобы укрепить позиции русских, татар и греков в Крыму, а также русских людей в Восточной части бывшей Империи, чтобы тем самым лишить Антанту надежды поднять против нас еврейско-большевистскую шайку Ленина»*. Что же именем генерала подписали советские историки? – *«Мы должны оказать такое влияние на положение, чтобы укрепить свой тыл и лишить Антанту надежды поднять еще раз против нас Россию»*. Такая формулировка в корне меняет дело! – а ведь немецкий генерал под выражением *«...поднять против нас еврейско-большевистскую шайку Ленина»* подразумевал необходимость всеми силами остановить действие масонского Ордена, резидентурой которого и являлась вначале РСДРП Плеханова – Троцкого, затем РКП(б) Ленина (точнее не РКП(б) – Российская Коммунистическая Партия большевиков, а, как ее многие меж собой называли ЕКП(б), или Еврейская Коммунистическая Партия большевиков, строившая «советское ебщество»; фольклор есть фольклор...).

Тогда же цинично муссировалась фальшивка, что германская дипломатия использует тему «самостоятельности Крыма» с целью давления на ленинское правительство для получения выгодных уступок, намереваясь лишить Россию флота на Черном море. И будто бы генерал Людендорф считает необходимым объявить корабли ЧФ «военными трофеями». Приписывая и тогда, и после талантливим немецким военачальникам, честным прусским офицерам свои личностные качества: урвать чужое, нажиться, обмануть, – большевики унижали само человеческое достоинство, само понятие человечность... Впрочем, разве дано им понять людей, для которых *честь* превышает собственную жизнь?!

Генерал Левински участвовал в переговорах не только с представителями Крыма и Украины, но также и с представителями большевистской партии. Члены ленинской делегации упрекали, что «на переговорах украинского-немецко-австрийской коалиции установление территориальных границ, соответствующих воле населения и стратегическим интересам Советской республики, являются самой трудной задачей». На что генерал заметил: «Не могли бы вы, господа, представляющие интересы Ленина, пояснить, о какой воле населения и стратегических интересах вы заявляете?». Ответа, естественно, ни генерал, ни члены германской делегации не получили.

К тому же присутствующие знали, что делегация из Москвы имела полномочия (о чем открыто заявлялось) в случае претензий украинской стороны на Крым, «настаивать на опросе населения Крымского полуострова, сохранение которого за Советской Федерацией считается основой существования Черноморского флота и выхода в Черное море». И когда об этом пошла речь, Левински стал задавать новые вопросы: «Не могли бы посланцы большевистского вождя пояснить, что означает термин «Советская Федерация», поскольку ваша власть распространяется пока не далее Петербурга? И кто уполномочил вас говорить от имени России, вести разговоры с жителями Крыма на предмет: согласны они или не согласны находиться в вашей Советской республике? Ведь, насколько всем известно, Крым является составной единицей гораздо большей территории Российской Империи, к счастью, не находящейся под властью большевиков?» Но и на эти вопросы большевистская делегация не дала никаких ответов.

Зато по Черноморскому флоту были заявлены инструкции-требования, утвержденные евреем Львом Троцким (*Лейбой Давидовичем Бронштейном*). В которых в категоричной форме подчеркивалось, что Крымский полуостров является частью РСФСР, и – баста! И что посему Черноморский флот в полном составе является достоянием РСФСР. Поэтому «всякие покушения на него с украинской стороны должны быть со всей категоричностью отвергнуты». Речь шла и о том, что все корабли, в том числе и строящиеся на верфях Николаева и Херсонеса, должны быть возвращены РСФСР.

Троцкий, как и Ленин, полностью игнорировал те условия по Крыму, Севастополю и ЧФ, которые заявлялись Германией, жителями полуострова, а также министрами Русского правительства в Нижнем Новгороде.

Время шло в бесплодных дискуссиях...

Причем у большевиков возникали разные абсурдные идеи, к примеру, они говорили, что для РСФСР сохранять флот на Черном море не целесообразно в виду его закрытости, а есть смысл содержать флот только на севере и на Тихом океане. То, обуреваемые сомнением вообще сохранить за собой Крым, предлагали его тут же и как можно выгоднее продать (!).

Наконец вопрос о Черноморском флоте стали дискутировать в ряде наркоматов РСФСР; в частности, по этому поводу высказывались совнаркомовские «эксперты» Берман, Загорский, которые считали, что на Черном море следует иметь только торговый флот, потому что он даст большие доходы.

Ситуация усугублялась и тем, что Германия и ее союзники, стремясь чуть ли не любой ценой реставрировать власть имперской России, все более заходили в патовую ситуацию... В связи с этим уже находившийся на родине генерал Левински бросил упрек германскому представительству на Украине, выразив сожаление, что во время своего визита в составе военной делегации жестко не выставил условия, и что нужно было не затевать дискуссии или переговоры между Киевом и Москвой, а заключить договор с нижегородским правительством России и выступить совместно с Русской армией, с Турцией и Австро-Венгрией против ленинского режима в Петербурге и Москве, подавив его силой. Реакция была мгновенной: немецкие социал-демократы потребовали от руководства Германии уволить генерала в отставку, обвинив его в превышении своих полномочий в международных делах по

отношению к советской России. Этими так называемыми немецкими социал-демократами были евреи Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Роза Люксембург.

А далее события развивались по сценарию, сыгравшему на руку вначале Троцкому, а затем и Ленину.

В Германии свершилась революция; был денонсирован Брестский договор; рухнула власть Центральной рады и гетмана на Украине; переговоры Украины и РСФСР были прекращены; в Севастополь вошел флот Антанты. Все это – в условиях начала гражданской войны положило конец притязанием Украины на полуостров и ознаменовало новый поворот в судьбе Крыма, Севастополя и ЧФ.

А пока белыми разрабатывалась всесторонняя программа восстановления единой и неделимой России, где Крым рассматривался до свержения еврейско-большевистской власти местом создания новой столицы, – по модели, как когда-то Петр заложил в устье Невы новую русскую столицу Санкт-Петербург. Но не дремали и большевики. В 1919 г. они создали Крымскую Советскую Социалистическую республику, просуществовавшую на бумаге аж 75 дней. Эта бумажная фикция была не единственной; борьба шла жесточайшая...

В конце концов освободительное Белое движение, образно говоря, остановилось у кромки Черного моря. Россия закончилась... святая земля, захваченная инородцами, отторгала лучших сыновей...

Армия генерал-лейтенанта и барона П. Н. Врангеля отступила в Крым и в октябре 1920 г. организовано, без потерь, в количестве 150 000 военных и гражданских лиц поднялась на борт кораблей, ушедших в Константинополь; эту эвакуацию впоследствии назовут одной из самых блестящих в истории военного искусства. Организация была идеальной; операцию обеспечивали корабли эскадры, в состав которой входили линкор, броненосец, 2 крейсера, 12 эсминцев, 4 подлодки, 12 тральщиков. Французское командование перевело корабли Русской эскадры в порт Бизерта, где после установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 г. с них были спущены Андреевские и крепостные флаги. А вот переговоры правительства СССР с Францией о возвращении эскадры успехом не увенчались; последний боевой корабль Русской боевой эскадры был отправлен на слом в середине 30-х годов XX века.

А что же стало с кораблями, доставшимися большевикам?

Как известно, большая часть Черноморского флота тогда находилась в Новороссийске. По сообщению агентов ВЧК, офицеры на кораблях пришли к выводу, что их эскадра должна соединиться с находившимися в Севастополе остальными боевыми кораблями ЧФ. Ленин и его клика действовали решительно, и спустя всего четыре дня после анализа поступившей информации, – 18 июня 1918 г. по приказанию председателя Совнаркома В. И. Ульянова-Ленина все корабли были приведены в состояние небоеспособности и затоплены (!) в Цемесской бухте. Предварительно обманым путем большая часть офицеров была выведена из кораблей, после чего красные вандалы разбили ценные приборы и аппаратуру.

Так, большевиками были уничтожены линкор «Императрица Екатерина Великая» (новое название «Свободная Россия»), 11 эсминцев, 2 крейсера «Новик», более 1,5 десятков тральщиков и минзагов: «Великая Княгиня Ксения», «Цесаревич Георгий», «Великий Князь Константин», а также третий линкор «Воля». К слову сказать, первый линкор «Императрица Мария» 20 октября 1916 г. постигла трагедия, когда тот стоял на якоре в Севастопольской бухте. Вдруг возник пожар, взорвался арсенал боеприпасов и боевой корабль погиб; при этом погибли более 200 человек, многие получили ожоги и ранения, но многие спаслись, прыгая в воду. Возможно, для иных это будет открытием, но флагман Императорского ЧФ погиб по причине тщательно организованной террористической акции, осуществ-

ленной агентами 3-го Интернационала евреями Бахманом и Треппером, которые погибли во время подрыва арсенала. Таким образом, отпадает озвученная для советских людей версия, что на борту сначала возник пожар, а затем прогремел взрыв. Все было как раз наоборот.

Организатором и руководителем диверсии по уничтожению линкора был Виктор Эдуардович Верман 1883 года рождения, проживавший в г. Николаеве и работавший начальником сборочного цеха на заводе «Наваль». После взрыва линкора начальник севастопольского полицейского управления полковник А. Радлов, изучив агентурные сведения, подал рапорт на имя начальника штаба ЧФ, а тот после ознакомления с ним, передал с припиской командующему Черноморским флотом. В рапорте указывалось, что в среде матросов есть провокаторы, которые работают на деньги зарубежных резидентур. Об этом же (и не в первый раз) был проинформирован и Императорский двор. Получив донесение, начальник Имперской разведки граф А. Г. Канкрин отдал распоряжение о задержании Вермана, который вот уже несколько лет разрабатывался как иностранный агент, связанный с филиалом резидентуры известного разведчика Акаши. После задержания Верман при допросе показал: «Разведывательной работой я стал заниматься в 1904 году. А в начале 1908 года мне было поручено заняться проблемами, связанными с осуществлением русской морской программы по строительству боевых кораблей. И я стал работать на заводе «Наваль». Меня завербовали сотрудники южного филиала Акаши, которые представились как инженеры Ган, Моорер, а спустя несколько месяцев после неудачно проведенной операции мне пришлось встретиться и с Акаши. Это был кошмар, а не встреча. Мне сказали, что отныне я буду работать на особый центр по установлению новых порядков в России, который частью находится в Германии, а частью во Франции...»

В. Э. Верман – не имеет значения, знал он об этом точно или нет, – работал на масонскую ложу «Великий Восток Франции», резидентом которой в России являлся Акаши. При более поздних допросах Верман показал: «В период с 1905 по 1914 год мне удалось завербовать для диверсионной работы Бахмана, Шеффера, Штайвеха, Блюмана, Треппера, Наймера, которые в свою очередь завербовали некоторых русских матросов линкора, которые после участвовали в подрыве корабля». После захвата власти большевиками следователи ОГПУ сделали все, чтобы тайна об уничтожении линкора «Императрица Мария» никогда не всплыла; в подобных случаях одни протоколы царских времен уничтожались, другие извращались, перевертывались... В официальных материалах следствия ОГПУ было указано, что евреи Верман и Сгибнев (электрик, также участник подрыва линкора) были арестованы, а в 1934 г. Верман выслан из СССР, а Сгибнев осужден к 3 годам. Неправда! Они слишком много знали, чтобы выжить; и при допросах называли имена многих причастных, в том числе и масона Джунковского, бывшего до революции товарищем (заместителем) министра внутренних дел Российской Империи, а с захватом власти большевиками по решению масонского центра он стал сотрудничать с ВЧК – ОГПУ. И Верман, и Сгибнев, и некоторые другие были расстреляны «благодарной» советской властью. В конце 80-х гг. XX в. их реабилитировали. Спектакль за спектаклем...

Грустно упоминать, однако и первенец Русского флота корабль «Орел» был сожжен в 1670 г. психопатом Райзманом.

С гибелью Черноморского флота у советской власти осталось на Балтике 7 линкоров, 9 крейсеров, 17 эсминцев, 45 миноносцев, 30 подлодок, 5 канлодок, 23 минных и сетевых заградителя, 110 сторожевых кораблей и катеров, 89 тральщиков, 16 ледоколов, 66 вспомогательных судов, 65 лоцмейстерских и гидрографических судов, 6 госпитальных судов и 70 транспортов.

Всего же в канун захвата еврейско-большевистской партией власти в России Русский флот насчитывал 591 боевой корабль (надводных кораблей и подводных лодок), 549 вспо-

могательных судов с общим количеством 175.528 матросов, около 6 тысяч офицеров, 151 адмирала, 118 генералов.

При этом в состав ЧФ входило 150 боевых кораблей и 203 вспомогательных судна.

С гибели ЧФ началась гибель всего Русского флота.

К сожалению, ни историки, ни писатели до сих пор не сказали нам истинную причину гибели Русской эскадры...

Трагедия Черноморского флота была предопределена уже самим воплощением изуверских планов международного иудейского Ордена по уничтожению Российской Империи. И в 40-е годы XX века лишь продолжался этот бесконечный процесс.

Глава 11

«Прежде всего следует отметить принципиальную разницу во взглядах верховной власти на политическое значение флота и его общие стратегические задачи. Если Николай II... благожелательно относился к флоту и нередко в спорах между военным и морским ведомствами становился на сторону последнего, то документы и факты говорят, что В. И. Ленин к флоту относился более чем прохладно. В его концепции государственного строительства сильному военному флоту места практически не находилось.

...руководители партии и страны заявили: «Флот нам не нужен!» Проект «Декрета Совета Народных Комиссаров о восстановлении морской силы РСФСР», разработанный под руководством ведущих теоретиков старого флота, перешедших на службу Советской власти, А. В. Немитца, А. В. Шталя, М. М. Римского-Корсакова и других к открытию X съезда РКП(б) не был даже принят к рассмотрению. И с середины 1921 г. началась пора сокращений и реорганизаций, никак не согласованных с реальными задачами, стоявшими перед РККФ, и не нацеленных на повышение его боевого потенциала ни в настоящем, ни в обозримом будущем. Было продемонстрировано откровенное пренебрежение мнением квалифицированных специалистов в вопросах строительства флота...

Поворот же к строительству «большого морского и океанского флота страны» произошел без дискуссий, по личному приказанию И. В. Сталина, у которого долгое безразличие к флоту сменилось внезапной привязанностью. Возглавлявшему в это время РККФ В. М. Орлову было поручено лишь «озвучить» это решение на VIII Чрезвычайном съезде Советов СССР, состоявшемся в ноябре-декабре 1936 г.». Столь длинная цитата приведена из юбилейного «Морского сборника» (№ 3 за 1998 г., с.40–41). Приведенный текст только подтверждает существовавшую тенденцию не на строительство, а на уничтожение когда-то мощного русского флота; к тому же, крепкий морской, а тем более океанский флот ни Сталиным, ни его последователями построен не был.

Эти нюансы были известны наркому ВМФ Н. Г. Кузнецову, пытавшемуся хоть как-то сохранить остатки бывшего флотского величия. Но в годы предвоенного психоза ему пришлось очень тяжело.

Много позже, когда ему придется написать книгу «Курсом к победе», он отметит «полный тревожных сигналов с флотов» субботний день 21 июня 1941 г., прошедший почти также, как и предыдущие. «Перед выходным мы обычно прекращали работу раньше, но в тот вечер на душе было беспокойно, и я позвонил домой:

– Меня не ждите, задержусь.

Вера Николаевна, моя жена, не удивилась: я часто задерживался на работе. Она спросила только, останусь ли я ночевать в своем кабинете. Я поспешил ответить:

– Потом расскажу.

Не хотелось говорить на эту тему по телефону.

В Москве был жаркий и душный вечер. На небе собирались темные тучи, несмотря на открытые окна, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха.

Затишье царило и в столичных учреждениях. В обычные дни после 18 часов наступала обеденная пора: руководители разъезжались по домам – часа на три, чтобы потом сидеть на работе до глубокой ночи. Но в субботу многие уезжали за город. Деловая страда спадала.

В тот вечер было как-то особенно тихо, телефон совсем не звонил, будто его выключили. Даже такие «беспокойные» наркомы, как В. А. Малышев и И. И. Носенко, с которыми я был особенно тесно связан, не напоминали о себе вопросом, ставшим уже привычным в последнее время: «Как дела?»

Я сидел в своем кабинете, куда с улицы доносился привычный городской шум – гул машин, иногда громкий и беспечный молодой смех.

Рассеянно перебирал бумаги. Мысли не могли сосредоточиться на них. Совсем незадолго перед тем мне попался на глаза обзор иностранной печати и сводки ТАСС. Самые разные газеты писали о близкой войне между русскими и немцами. Не могли же все они сговориться!

Вспомнилось, как начинались войны в прошлом, особенно русско-японская война в 1904 г. О ней нам часто напоминали в училище и в Военно-морской академии, – может быть, потому, что ее первый акт разыгрался на море. Началась она неожиданным торпедным ударом, который японские миноносцы нанесли по русской эскадре, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура...»

Сложное состояние, ощущение заколдованного круга, о котором ему когда-то давно сказал незнакомец, его истинные размышления, которыми он не может даже поделиться со своими читателями...

Его мысли прервал заместитель начальника ГМШ В. А. Алафузов, вошедший с вечерним докладом: обстановка на Балтике беспокойная, на Черном море – спокойнее, на севере – ничего особенного не происходило...

Руководителей наркомата обороны и Генштаба, куда позвонил Николай Герасимович, не оказалось. Он коротко переговорил с командующим Балтийским флотом В. Ф. Трибуцем, командующим Северным флотом А. Г. Головкин, после – с начальником штаба Черноморского флота И. Д. Елисеевым и. Все были на местах, командные пункты развернуты, флоты уже в течение двух дней находились в оперативной готовности № 2. При этом на берег отпущена часть краснофлотцев и командиров, в Севастопольском Доме флота идет концерт, но в штабах многие работают. Дежурный по штабу ЧФ подметил, что немецкие транспорты, обычно в эти часы находившиеся в море, вдруг исчезли, укрывшись в болгарских и румынских портах.

Около 8 вечера прибыл военно-морской атташе СССР в Берлине капитан 1-го ранга М. А. Воронцов, приехавший из германской столицы. Михаил Александрович рассказал о событиях в рейхе, отметив что нападение будет с часу на час. «Это война», – вздохнул Воронцов. После его ухода вошел адмирал Лев Михайлович Галлер, занимавшийся проблемами судостроения. То, о чем он стал говорить, было в тот момент для Николая Герасимовича не важным. Но нарком понимал *зачем* этот Галлер пришел к нему...

Около 10 вечера Галлер ушел. За окном стемнело. Порыв ветра поднял пыль на улице, затрепал гардины на открытых окнах, разразилась гроза и хлынул дождь, разгоняя веселящую молодежь.

В этот момент в кабинет вновь вошел Владимир Антонович Алафузов с внеочередным докладом, сообщая информацию с флотов. Около 11 вечера зазвонил телефон ВЧ, и маршал Тимошенко предложил Кузнецову немедленно прибыть к нему. Нарком ВМФ направился к наркому обороны вместе с Алафузовым, захватив с собой карты.

В эту ночь началась война с Германией...

Думается, теперь самое время обратить внимание читателей на командный и начальствующий состав Военно-Морского Флота в период войны 1941–1945 гг. Но прежде чем перечислить все ключевые персоны, обозначу некоторые важные нюансы.

Лично инициированные и назначенные наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым высшие и старшие офицеры на номенклатурные должности будут выделены жирным шрифтом. Все остальные – инициированы начальником Главного Морского штаба адмиралом флота Исаковым и санкционированы наркоматом внутренних дел СССР, а Кузнецов лишь вынужден был констатировать факт их назначения и подписывать соответствующие приказы.

Вице-адмирал *Александр Васильевич Немитц* (1879–1967 гг.; контр-адмирал Императорского Российского флота) и первый командующий советскими Морскими силами Черного моря, по происхождению немец, из аристократического рода баронов, ведущего свою родословную от Карла V Великого. В 1900 г. закончил Морской корпус, затем Артиллерийские офицерские классы в Севастополе. В 1912 г. завершил обучение в Николаевской Морской академии и, став профессором, преподавал в ней. По негласному решению русских офицеров немецкого происхождения был оставлен для сотрудничества с большевистским режимом с целью трудоустройства на военный флот и противодействия разрушению Русского флота и его традиций, заложенных Петром Великим.

Вице-адмирал Немитц встретился с Кузнецовым через полгода после назначения Николая Герасимович наркомом ВМФ. Их ждал трудный разговор. Подробно посвятив наркома в систему подбора и расстановки кадров вначале ленинским Совнаркомом, а позже сталинским руководством, Александр Васильевич обратил внимание на то, что русских по происхождению на должностях, которые должны замещаться высшим офицерским составом (в то время – командирским) число крайне незначительное. Тогда как на этих должностях состоят кадры советской власти, в большинстве своем носящие русские фамилии, но под этими «русскими» подразумевались лица еврейской национальности, которые чаще всего присваивали себе русские фамилии, скрывая свое истинное национальное происхождение. О тех же инородцах, кто свои фамилии не сменил, распускались толки, что они якобы имели... немецкие корни, и вот надо же! – чудом уцелели при беспределе советской власти.

Чтобы не обострять отношения со сталинским руководством, и вместе с тем добиваться хоть каких-то успехов в назначении своих людей, Немитц рекомендовал очень осторожно предлагать в аппарат наркомата высших командиров, которые полезны Николаю Герасимовичу, как высококласные специалисты. Но при этом, параллельно назначать на некоторые должности лиц еврейской национальности. «Вы тогда увидите, с кем из назначаемых вами людей возникают проблемы», – грустно усмехнулся Немитц.

– А не боитесь ли вы об этом мне говорить? – спросил собеседника внимательно слушавший его нарком. Кузнецов вряд ли предполагал увидеть в этом с виду чопорном, педантичном русском адмирале патриота России; за годы службы он почти разуверился, что в стране остались люди, по-настоящему болеющие душой за русское дело и могущие что-либо сделать...

– Я уже нахожусь в достаточно немолодом возрасте, чтобы обманывать кого бы то ни было. Я говорю только с теми, с кем нахожу нужным. А таковых людей у меня немного: один старинный приятель, да... вот с вами поделился о наболевшем и давно выстраданном. За сим кланяюсь. И да хранит вас Бог.

...При назначении того или иного руководителя, которого инициировал лично Николай Герасимович, он обычно перед тем советовался членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП(б), членом Главного Военного Совета Андреем Александровичем Ждановым, зная что тот их беседу непременно передаст наркому внутренних дел и самое главное, – лично Сталину. Если речь касалось назначения номенклатурных работников ЦК ВКП(б), к которым относились командующие флотами, то обычно на эти должности представителей инициировал сам Генеральный секретарь ЦК; правда, спрашивая наркома, кого бы он хотел видеть на том или ином месте... И коли тебе понятно, что Сталиным заранее уже все решено, кого назначить, то остается лишь попасть в точку. К счастью Николая Герасимовича, он всегда в таких случаях попадал в точку, ибо знал правила игры.

Командный и начальствующий состав ВМФ в период войны 1941–1945 гг.

Главный Военный совет ВМФ:

Председатель: Кузнецов Николай Герасимович, адмирал – народный комиссар ВМФ СССР.

Члены Совета:

Жданов Андрей Александрович – член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), дивизионный комиссар,

Исаков Иван Степанович, адмирал – первый заместитель наркома ВМФ и начальник Главного морского штаба,

Рогов Иван Васильевич, армейский комиссар 2-го ранга – заместитель наркома ВМФ и начальник Главного управления политической пропаганды ВМФ,

Галлер Лев Михайлович, адмирал – заместитель наркома ВМФ,

Левченко Гордей Иванович, вице-адмирал – заместитель наркома ВМФ,

Жаворонков Семен Федорович, генерал-лейтенант авиации – начальник управления ВВС ВМФ.

Командование наркомата ВМФ:

Народный комиссар ВМФ: Кузнецов Николай Герасимович, Адмирал Флота – 22.06.1941–03.09.1945.

Заместители наркома ВМФ:

Исаков И. С., Адмирал Флота – 22.06.1941–03.09.1945

Рогов И. В., генерал-полковник береговой службы – 22.06.1941–03.09.1945

Галлер Лев Михайлович, адмирал – 22.06.1941–03.09.1945; (предложение о его назначении – дипломатический ход наркома, когда гиены (Берия, Исаков) сыты и бараны целы...)

Левченко Гордей Иванович, адмирал – 22.06. – 12.19.1941 и 09.04. 1944–03.09.1945 (наркому оставалось соглашаться, хотя он обстоятельно возражал против назначения Гордея Ивановича командующим Крымским фронтом; это назначение инициировал адмирал Исаков в согласии с Л. П. Берия и Генсек Сталин эту инициативу одобрил);

Игнатьев Сергей Парфенович, корпусный комиссар – 22.06.1941–20.01.1942 (креатура Л. П. Берия);

Малышев Николай Васильевич, генерал-лейтенант береговой службы – 20.01.1942–19.04.1945 (креатура Л. П. Берия);

Абанькин Павел Сергеевич, вице-адмирал – 19.04. – 03.09.1945

Воробьев Сергей Ильич, генерал-полковник береговой службы – 22.06.1941–03.09.1945

Начальники Главного морского штаба:

Исаков И. С., адмирал – 22.06.1941–03.07.1942

Алафузов Владимир Антонович, адмирал – 03.07.1942–16.03.1943 и 22.07.1944–13.04.1945 (креатура Л. П. Берия);

Степанов Георгий Андреевич, вице-адмирал – 16.03.1943–21.07.1944 (креатура Л. П. Берия);

Кучеров Степан Григорьевич, адмирал – 27.04–03.09.1945

Начальники оперативного управления:

Алафузов В. А., контр-адмирал – 22.06.1941–17.03.1943

Богденко Валентин Лукич, контр-адмирал – 17.03.1943–05.08.1944

Зозуля Федор Владимирович, контр-адмирал – 05.08. – 12.09.1944

Кучеров С. Г., вице-адмирал – 12.09.1944–27.04.1945

Харламов Николай Михайлович, вице-адмирал – 27.04. – 03.09.1945

Начальник организационно-мобилизационного управления:

Бабин Пантелеймон Иванович, генерал-майор береговой службы – 22.06.1941–03.09.1945

Начальники разведывательного управления:

Зуйков Николай Иванович, контр-адмирал – 22.06–11.09.1941

Воронцов Михаил Александрович, контр-адмирал – 11.09.1941–10.04.1945 (по не уточненным сведениям – потомок князя и графа Воронцова);

Филипповский Александр Александрович, капитан 1-го ранга – 10.04. – 09.05.1945 и 09.08. – 03.09.1945

Румянцев Александр Михайлович, капитан 1-го ранга – 09.05. – 09.08. 1945 (по не уточненным сведениям – потомок графа и генерал-фельдмаршала Русской армии П. Румянцева);

Начальник управления военных сообщений:

Кечетжи Николай Константинович, генерал-майор береговой службы – 22.06.1941–03.09.1945

Начальники отдела внешних коммуникаций:

Сендик Иосиф Моисеевич, капитан 1-го ранга – 06.10.1941–13.12.1944

Сергеев Николай Дмитриевич, капитан 1-го ранга – 13.12.1944–30.08.1945

Начальники исторического отдела:

Круглов Владимир Ильич, генерал-майор береговой службы – 22.06. – 16.08.1941 и 05.09.1944–03.09.1945 (креатура Л. П. Берия; исполнитель воли советских историков, создавших капитальные труды по теме: *история русского государства и становлении советской державы*, – в которых обвинили царизм в жестокой эксплуатации народов, а также заодно и в разрушении Русского флота, в результате чего проиграна Крымская война и война с Японией... Их имена – Бернадский, Гегелло, Каганович, Келдыш, Луппов, Мавродин, Пилявский, Предтеченский, Сербина, Трояновский, Заозерский, Кан, Маньков, Нечкина, Нифонтов, Рожкова, Станиславская, Фейгина, Шаскольский, Бондаревский, Крузе, Садиков, Савельева, Левин и др. и др. В сложившейся сложной обстановке в июле – сентябре 1941 г. многим деятелям «*новой исторической науки*» стало не по себе в Ленинграде и Москве, и они, зная, как немцы поступают с евреями, покинули обе бывшие русские столицы для дальнейшей «творческой деятельности» в столице советского Узбекистана Ташкенте. Подал рапорт с занимаемой должности и начальник исторического отдела Круглов В. И. Именно в то время нарком ВМФ принял решение поставить на должность руководителя исторической службы капитана 2-го ранга Ивана Николаевича Быкова, но не суждено было офицеру стать ведущим историком флота... После того, как утрясются события на фронтах и в столице, «выдающиеся» советские деятели науки, в том числе и Владимир Ильич Круглов, вновь возвратятся на свои «исторические» должности. Это с подачи этих и подобных им «академиков» Владимир Ильич позволил вписать в анналы советской истории Русского флота героических флотоводцев Ушакова, Лазарева и Нахимова, как патриотов и... истинных сторонников «коммунистической идеологии и советской государственности на территории бывшей Российской Империи», что даже сталинский режим, снизойдя, учредил «высшие флотоводческие» ордена с их именами. Тогда как забвению были преданы практически все русские адмиралы, имевшие среди далеких предков датчан, шотландцев, немцев и «разных прочих шведов»; а позже уничтожили их из памяти народной и из Истории русской, *стирая* из книг Устрялова, Платонова, других ученых Русской Империи);

Быков Иван Николаевич, капитан 2-го ранга – 16.08. – 30.10.1941

Бологов Николай Александрович, контр-адмирал – 30.10.1941–20.07.1943

Долинин Михаил Михайлович, контр-адмирал – 20.07.1943–05.09.1944

Начальники управлений боевой подготовки:

Харламов Н. М., вице-адмирал – 22.06. – 20.07.1941 и 20.11.1944–27.04.1945

Кузнецов Константин Матвеевич, капитан 1-го ранга – 25.07. – 03.09.1941

Ставицкий Сергей Петрович, вице-адмирал – 03. – 25.09.1941 и 17.03.1942–20.11.1944

Коренев Константин Юлианович, контр-адмирал – 25.09.1941–17.03.1942

Грен Иван Иванович, вице-адмирал – 27.04. – 03.09.1945

Начальник управления связи:

Гаврилов Виктор Михайлович, инженер – вице-адмирал – 22.06.1941–03.09.1945 (эту кандидатуру нарком лично утвердил у Сталина, и вопросов у Генсека не возникло);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.